

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОВИД:

**АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ
И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ**

БОЛЬШЕ, ЧЕМ КОВИД:

АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ

Либеральная миссия – Экспертиза

Выпуск 13

Олег Буклемишев, Евсей Гурвич, Татьяна Михайлова,
Кирилл Рогов

Под редакцией Кирилла Рогова

Москва 2021

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4
Б 799

Б 799 Больше, чем ковид: Авторитарный режим и российское общество перед лицом пандемии / под ред. К. Рогова. — Москва : Либеральная миссия, 2021. — 57 с.

ISBN 978-5-903135-77-6

Настоящий доклад представляет анализ социальных аспектов развития эпидемии коронавируса в России, ответа на нее российских властей, особенностей общественной реакции на угрозы и вызовы эпидемии и, наконец, ее предварительных последствий. Особенности эпидемии Ковид-19 превращают ее в своего рода социальный тест — разные общества дают разный ответ на вопрос о допустимых экономических, социальных и человеческих потерях, которые они способны и готовы понести. В докладе прослеживается взаимосвязь политических, социальных, административных и экономических факторов, определивших характер этого ответа в России. Анализируются различные «профили жесткости» реакции на пандемию правительств разных стран и стратегий экономической поддержки. Выделяются две базовые модели реакции социума на пандемию — «солидаристский» и «абсентистский». В докладе также произведена оценка уровня избыточной смерти в период пандемии и дана оценка уровня избыточных потерь — потенциального уровня избыточной смертности при иных стратегиях ответа. Даны объяснения стойкого нежелания российского населения вакцинироваться и провала кампании вакцинации, ставшего причиной дополнительных потерь в ходе третьей волны пандемии.

УДК 323/324(470+571):342(06)
ББК 66.3(2Рос),1я4+67.0я4

ISBN 978-5-903135-77-6

© Фонд «Либеральная Миссия», 2021

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 2011– 2013 ГГ. КРИЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА. [ВЫП. 1] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2014.

СЕМЬ ТОЩИХ ЛЕТ: РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ПОРОГЕ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА. [ВЫП. 2] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ 2014–2016: ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ АВТОРИТАРНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ. [ВЫП. 3] / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2016.

СТРЕСС-ТЕСТ НА ПОЛ РОССИИ. ТЕХНОЛОГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ И ИХ ОГРАНИЧЕНИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЫБОРОВ 2018 Г. ВЫП. 4 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2018.

КРЕПОСТЬ ВРАСТАЕТ В ЗЕМЛЮ. ГОД ПОСЛЕ ВЫБОРОВ: СТРАТЕГИИ, ВЫЗОВЫ, ТРЕНДЫ. ВЫП. 5 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ЦАРЬ ГОРЫ: НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР ВЛАСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ВЫП. 6. / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ВСТРЕЧНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. МОСКОВСКИЕ ПРОТЕСТЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ — 2019. АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД. ВЫП. 7 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2019.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ: ЧТО НУЖНО И ЧТО НЕ НУЖНО МЕНЯТЬ В РОССИЙСКОМ ОСНОВНОМ ЗАКОНЕ. ВЫП. 8 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

КОРОНАКРИЗИС — 2020: ЧТО БУДЕТ И ЧТО ДЕЛАТЬ? СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ВЫП. 9 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

НОВАЯ (НЕ)ЛЕГИТИМНОСТЬ. КАК ПРОХОДИЛО И ЧТО ПРИНЕСЛО РОССИИ ПЕРЕПИСЫВАНИЕ КОНСТИТУЦИИ. ВЫП. 10 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ГОД КОВИДА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ И ВЫЗОВЫ ДЕСЯТИЛЕТИЯ. ВЫП. 11 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2020.

ЗАСТОЙ — 2: ПОСЛЕДСТВИЯ, РИСКИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ВЫП. 12 / ПОД РЕД. К. РОГОВА. — Москва : Либеральная миссия, 2021.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСНОВНЫ ГИПОТЕЗЫ И ВЫВОДЫ_____	5
КЛЮЧЕВЫЕ ГРАФИКИ_____	11
РАЗДЕЛ 1	
Евсей Гурвич. ЖЕСТКОСТЬ АНТИКОВИДНЫХ МЕР: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ_____	14
РАЗДЕЛ 2	
Татьяна Михайлова. ИЗБЫТОЧНАЯ СМЕРТНОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ_____	24
РАЗДЕЛ 3	
Олег Буклемишев. ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИКА: КАК РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВОВАЛО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОСЛЕДСТВИЯМ ПАНДЕМИИ_____	34
РАЗДЕЛ 4	
Кирилл Рогов. КОВИДНЫЙ АБСЕНТЕИЗМ: АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ И ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ_____	45

ОСНОВНЫЕ ГИПОТЕЗЫ И ВЫВОДЫ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В настоящий момент российское общество столкнулось с третьей и, видимо, самой сильной волной пандемии ковида. Парадоксальность ситуации состоит в том, что Россия одной из первых в мире создала и запустила в серийное производство вакцину от коронавируса. Несмотря на это вакцинация населения оказалась провалена, и сегодня страна сталкивается с самым высоким уровнем ежедневной смертности. Эта ситуация с особой остротой ставит вопрос о том, каков был общий ответ российского государства и общества на вызовы пандемии и что стало причиной нынешней ситуации. Почему Россия терпит поражение в борьбе с пандемией?

Настоящий доклад представляет анализ социальных аспектов развития эпидемии коронавируса в России, ответа на нее российских властей, особенностей общественной реакции на угрозы и вызовы пандемии и, наконец, ее предварительных последствий. Особенности пандемии Covid-19 превращают ее в своего рода социальный тест — разные общества дают разный ответ на вопрос о допустимых экономических, социальных и человеческих потерях, которые они способны и готовы понести. Мы попытались проследить взаимосвязь политических, социальных, административных и экономических факторов, определивших характер этого ответа в России.

В первом разделе проанализирован характер и уровень жесткости мер российских властей на вызов пандемии. Сделать это можно благодаря «оксфордскому проекту», который суммирует все данные о тех ограничениях, которые вводились в разных странах мира, чтобы ей противодействовать. Были выявлены несколько профилей реакции разных стран на пандемию на протяжении 2020–2021 годов и особенности динамики ограничений в России.

Во втором разделе проанализирована реальная динамика и последствия распространения пандемии в России. На сегодняшний день предметом консенсуса является тезис, что в целях сравнительного исследования самым надежным показателем течения пандемии и ее последствий является избыточная смертность. Этот показатель не

зависит от различий протоколов диагностики, качества статистики и протоколов определения и фиксации причин смерти в разных странах.

В третьем разделе анализируется экономический ответ российских властей на вызовы пандемии. Степень жесткости карантинных мер и эффективность их имплементации тесно связаны с тем уровнем поддержки, который власти готовы оказывать экономике и гражданам.

Наконец, в четвертом разделе прослеживаются особенности реакции на пандемию и меры противодействия ей со стороны российского населения и предпринята попытка обрисовать общую картину ответа российского государства и общества на вызовы пандемии.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Согласно предложенной в настоящем докладе модели расчетов, избыточная смертность в России с марта 2020 по май 2021 года составила около 530 тыс. человек. Фактический уровень смертности превышал смоделированный естественный уровень на 26% (в отличие от других расчетов в модели учитывалась тенденция к снижению смертности, наблюдавшаяся в предшествующие годы в России). Эти цифры не включают потери развернувшейся в настоящий момент третьей волны. Что стало причиной столь высокого уровня потерь и низкой готовности страны к третьей волне пандемии? Ответы на эти вопросы – главная задача настоящего доклада.

Первоначальный ответ российских властей на распространение коронавируса был жестким, своевременным и эффективным. Введенные в конце марта ограничения были более жесткими, чем те, которые вводились в большинстве стран и, в частности, в большинстве стран Европы. Причиной этого было, возможно, особое внимание российских властей к опыту и тактике китайского правительства либо намерение остановить пандемию и успеть завершить еще весной политическую кампанию по отмене конституционных ограничений по числу сроков для президента Путина.

Следствием этого жесткого и эффективного ответа стало то, что по итогам марта – апреля избыточная смертность в России отсутствовала (смертность, связанная с эпидемией, компенсировалась снижением естественной смертности в условиях локдауна).

Вместе с тем введенные ограничения (режим нерабочих дней) отличались правовой неопределенностью: это было сделано намеренно, чтобы снять с бюджета нагрузку по

компенсации вынужденной остановки работы негосударственному сектору экономики и занятым в нем.

В мае – июне российские власти начали снимать ограничения, что привело к быстрому распространению пандемии вглубь страны и резкому росту избыточной смертности, которая достигла в июле уровня 27 % к естественному уровню.

Преждевременное и слишком сильное ослабление ограничений было связано с ростом недовольства населения режимом локдауна, нежеланием нести большие экономические издержки и нежеланием властей расширять прямую помощь населению для компенсации этих издержек, а также намерением Кремля провести голосование по конституционным поправкам. Для этого необходимо было создать впечатление, что пик пандемии пройден и опасность уже не столь высока.

Параллельно с ослаблением реальных ограничений российские власти начинают систематически манипулировать как самими ограничениями (не распространяя их на одни мероприятия и распространяя на другие), так и статистикой распространения болезни и связанной с ней смертности.

Все это, с одной стороны, дало обществу ложный сигнал об уровне опасности, а с другой, подорвало доверие к действиям властей, которые сами демонстрировали отношение к пандемии как к «ненастоящей», манипулятивной угрозе. В результате в обществе отсутствовало сколько-нибудь консолидированное представление об уровне опасности, масштабе потерь и стратегии противодействия пандемии. Более половины опрошенных не боялись заболеть и не следили за информацией о ней, лишь 30% этой информации доверяли. Уровень информационной кампании в поддержку ограничительных мер в России был существенно ниже, чем в среднем по контрольной выборке из 75 стран мира (73,5 пунктов в России против 97,5 в среднем по этим странам).

В начале сентября уровень карантинных мер в России оказался более низким, чем в среднем по миру и в большинстве европейских стран. Несмотря на начало второй волны пандемии, власти не стали существенно повышать уровень ограничений. В результате на протяжении осени избыточная смертность резко выросла: в октябре она достигла 40 %, а в ноябре – декабре — 60 %.

Таким образом, российские власти выбрали «одногогорбый» профиль жесткости ограничений, в отличие от европейских стран и Великобритании, где этот профиль был «двугорбым» (два карантина). «Одногогорбый» сценарий в большей мере характерен для развивающихся и более бедных стран.

Причиной отказа от второго тура жестких ограничений скорее всего стала связка экономических и политических соображений. В обществе отсутствовало адекватное представление об уровне угрозы, и это определяло крайне негативное отношение к введению жестких ограничений. Помимо этого, их введение требовало расширения пакетов экономической помощи экономике и населению. Однако в отличие от развитых и части развивающихся стран, выбравших стратегию наращивания внутреннего долга и предоставления населению и экономике такой помощи, российское правительство не только отказалось от наращивания внутреннего долга, но и решило сохранить имевшиеся у него значительные резервы.

Как показывает анализ, правительство в реальности выделило меньше средств на поддержку экономики, чем даже это было заявлено. Некоторые формы поддержки (прямые выплаты семьям с детьми, поддержка региональных бюджетов) сыграли позитивную роль в стабилизации социальной ситуации. Но в целом уровень поддержки в России оказался меньшим не только по сравнению с развитыми экономиками, но и по сравнению со многими развивающимися странами. Например, ВВП на душу населения в России в полтора раза выше, чем в Бразилии, при этом на поддержку экономики и населения в период пандемии российское правительство направило в два–три раза меньше средств, рассчитанных как доля ВВП.

Правительству удалось в основном сохранить резервы, а масштабы спада оказались не столь значительными во многом благодаря низкому уровню ограничений и невведению второго локдауна. Однако оборотной стороной этой стратегии стало слабое восстановление экономики и издержки, которые несет она в связи с масштабами третьей волны. Приоритетом правительства в целом было не столько уменьшение экономического ущерба эпидемии, сколько сохранение бюджетной стабильности и «подушки безопасности», т. е. сохранение тех средств, которыми оно располагает. Таким образом, отсутствие жестких ограничений после мая 2020 года позволило сократить экономические издержки населения без предоставления дополнительной помощи, но за счет значительного прироста избыточной смертности.

В целом можно выделить две основные социальные модели ответа на вызовы пандемии: «солидаристскую» и «абсентистскую». Первая предполагает строгие ограничения в ходе второй волны (осень 2020 — весна 2021 года), широкое и достоверное информирование населения о течении эпидемии и масштабах смертности, формирование консолидированной группы поддержки строгих ограничений и лояльности им, а также

широкую экономическую помощь населению и частному сектору. Вторая формируется в условиях отсутствия этой связки факторов и усилий. В этой модели строгие меры не вводятся или не исполняются, реальная статистика смертности отсутствует или игнорируется. Пандемия и связанные с ней потери выглядят в этом случае для населения «неизбежным злом», частным и фатальным невезением, которое переживается в ожидании «естественного» окончания пандемии. Первая характерна для европейских стран, вторая – для стран Латинской Америки и России, в целом, более бедных стран.

Противоречивые сигналы и манипулятивный подход российских властей к проблеме борьбы с ковидом сформировали устойчивое недоверие в обществе к различным мерам, требованиям и процедурам противодействия эпидемии, в том числе к российской вакцине «Спутник V». В результате несмотря на то, что вакцина была доступна с декабря 2020 года, спад второй волны эпидемии воспринимался как ее естественное окончание (с января по апрель 60 % населения были уверены, что эпидемия сама собой идет на спад), а отсутствие локдауна и перспективы выхода из него после достижения высокого уровня вакцинированности всего общества способствовали крайнему абсентеизму населения в отношении вакцинации. В результате Россия подошла к третьей волне эпидемии, не использовав те возможности смягчения ее последствий, которые у нее имелись.

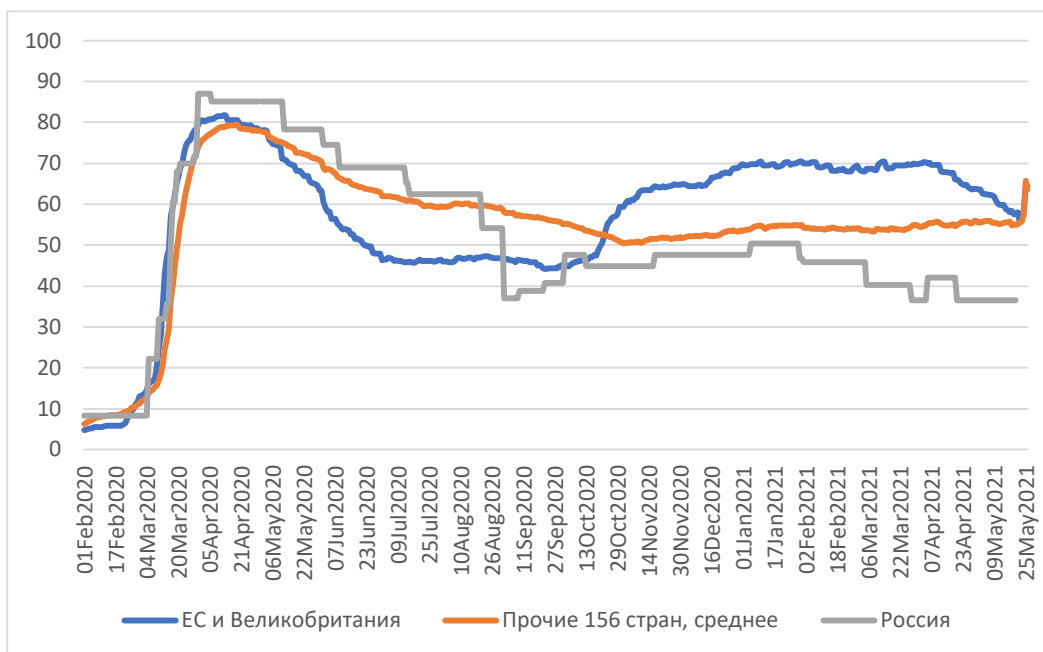
Если бы России удалось удержаться на уровне избыточной смертности в 15 % (таким этот уровень был до октября 2020 года, т. е. в первые шесть месяцев пандемии), то совокупные потери — общая избыточная смертность — были бы меньше примерно на 220 тыс. случаев. И, несомненно, энергичная и своевременная кампания вакцинации резко снизила бы смертность третьей волны. Но этого не случилось.

Нельзя не отметить роли специфических черт российской социально-политической модели в том, как страна проходила пандемию. Это, прежде всего, низкая подконтрольность власти со стороны общества, позволявшая принимать произвольные решения и выбирать приоритеты и стратегии, которые вряд ли были бы выбором большинства и которые могли бы быть по меньшей мере скорректированы. Это широкие возможности и привычка фальсифицировать данные и манипулировать информацией и общественным мнением. Это отсутствие парламентской оппозиции, способной отстаивать альтернативные приоритеты и политики, а также идеологический монополизм и цензура в общенациональных средствах массовой информации, что не позволило обществу сформировать адекватное и консистентное представление о происходящем. Наконец, это

административные провалы, связанные с приспособленностью «вертикали власти» к решению скорее политических, чем собственно административных задач, и с высоким уровнем недоверия к намерениям и действиям властей со стороны населения.

КЛЮЧЕВЫЕ ГРАФИКИ

График 1. Средний индекс строгости антиковидных ограничений в странах ЕС и Великобритании, прочих странах мира и в России: «одногорбый» и «двугорбый» профили

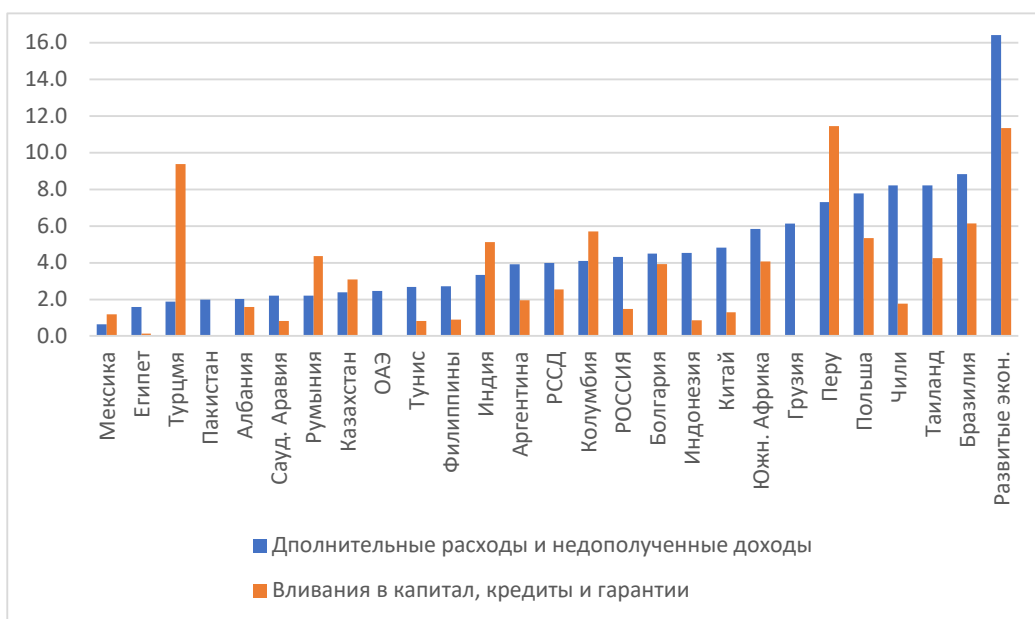
Источник данных: OxCGRT, <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker>

График 2. Динамика избыточной смертности и индекса строгости ковидных ограничений в России

Источник данных: OxCGRT, расчеты Т. Михайловой.

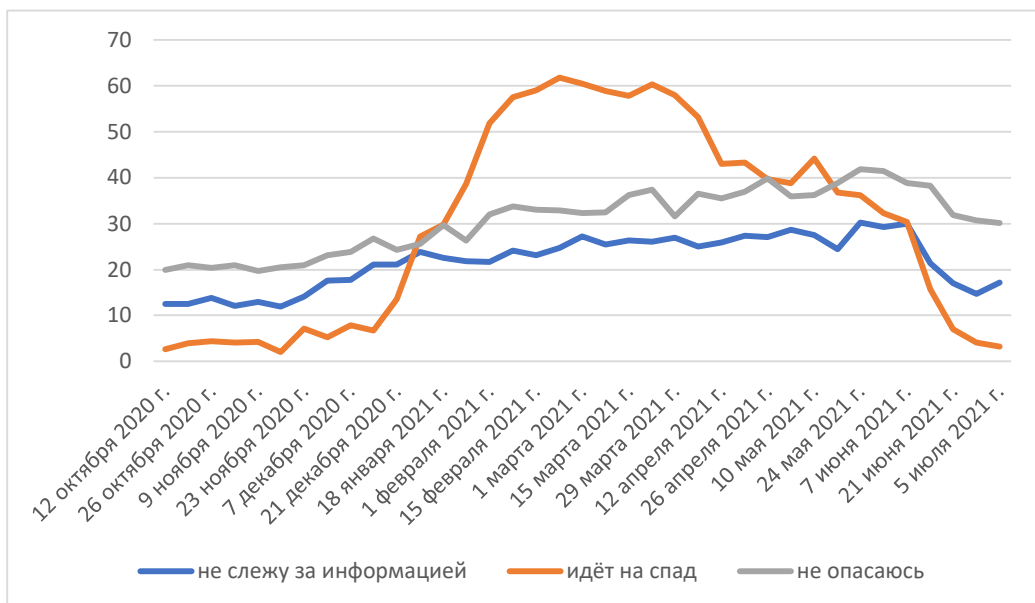
График 3. Сравнительные объемы поддержки экономики в период пандемии COVID-19 (по состоянию на апрель 2021 года), % ВВП

*РССД – развивающиеся страны со средним доходом

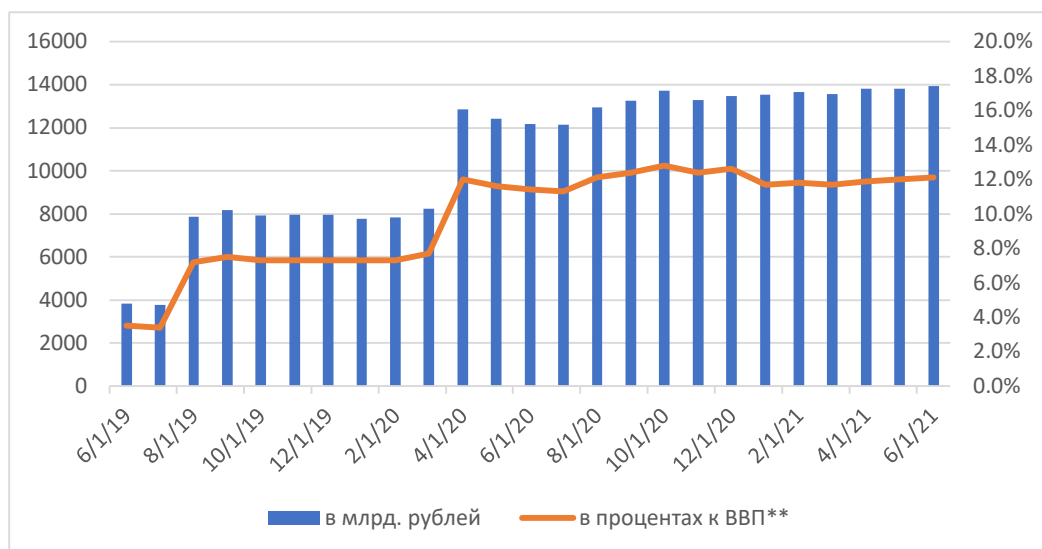
Источник данных: МВФ, <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Fiscal-Policies-Database-in-Response-to-COVID-19>.

График 4. Восприятие населением динамики эпидемии (октябрь 2020 – июль 2021)

Источник данных: ФОМ, к-Зонд 2 (<https://covid19.fom.ru/k-zond>).

График 5. Динамика объема средств в Резервном фонде РФ

Источник данных: Минфин РФ.

РАЗДЕЛ 1

Евсей Гурвич,

научный руководитель Экономической экспертной группы

ЖЕСТКОСТЬ АНТИКОВИДНЫХ МЕР:

РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

В период пандемии COVID-19 все страны принимали активные меры, призванные ограничить распространение вируса. Они включали оперативное выявление и изоляцию больных, ограничение притока в страну иностранных граждан, изоляцию наиболее уязвимых групп населения (в первую очередь — старших возрастных групп), запрет на проведение массовых мероприятий и т. п. Анализ показал, что такие меры позволяют существенно замедлить распространение пандемии¹. Вместе с тем они оказывают серьезное негативное воздействие на экономическую деятельность (причем смертность от коронавируса при прочих равных дополнительно снижает уровень производства) и требуют высокой готовности населения соблюдать режим изоляции.

Наиболее полную информацию о карантинных ограничениях, введившихся в ходе пандемии, дает база данных OxCGRT, собранная Оксфордским университетом². Эта база содержит оценки правительственных мер по борьбе с пандемией, представленных на ежедневной основе, для 186 стран мира. Ряды данных начинаются с 1 января 2020 года и постоянно пополняются по мере поступления новой информации. Все меры относятся к четырем сферам: а) ограничение мобильности и контактов, б) здравоохранение, в) поддержка экономики, г) прочее. Далее мы сосредоточимся на рассчитываемом в рамках

¹ Chinazzi et al. (2020). The effect of travel restrictions on the spread of the 2019 novel coronavirus (COVID-19) outbreak. *Science*, 368; Hsiang S. et al. (2020). The effect of large-scale anti-contagion policies on the Covid-19 pandemic. *Nature*, 584; Deb P. et al. (2020). The effect of containment measures on the COVID-19 pandemic. IMF Working Paper No. 20/159; Battistini N., Stoevsky G. (2021). The impact of containment measures across sectors and countries during the COVID-19 pandemic. ECB Economic Bulletin, Issue 2/2021; Niermann L. Pitterle I. (2021). The COVID-19 crisis: what explains cross-country differences in the pandemic's short-term economic impact? MPRA Paper No. 107414.

² Аббревиатура, расшифровывающаяся как «Оксфордская система регистрации ответных мер правительств на пандемию Ковид-19», <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker>

ОхCGRT интегральном показателе жесткости антиковидной политики — индексе жесткости (ИЖ) и его составляющих.

Показатель ИЖ рассчитывается как среднее арифметическое восьми индикаторов, характеризующих ограничение контактов, и одного индикатора, отнесенного к сфере здравоохранения. Чтобы сделать ситуацию более обозримой, мы вводим два дополнительных укрупненных показателя ограничений («индивидуальные контакты» и «межрегиональная и международная мобильность»). Все рассматриваемые первичные индикаторы и агрегированные показатели приводятся в Таблице 1.

Таблица 1. Показатели жесткости антиковидной политики в базе данных ОхCGRT

Предмет ограничений	Содержание показателя
1. Режим работы учебных заведений	Прекращение работы школ и университетов, их переход в режим дистанционного обучения
2. Работа предприятий ("локдаун")	Вводимые правительством ограничения на работу предприятий
3. Индивидуальные контакты	
3.1. Публичные мероприятия	Запреты на проведение общественных мероприятий, предполагающих контакты между участниками (спортивные, зрелищные, религиозные, политические и т.п.), или ограничения на их проведение
3.2. Частные встречи	Аналогичные предыдущему пункту ограничения, вводимые для семейных и других частных событий (таких как свадьбы или похороны)
3.3. Общественный транспорт	Ограничения на использование общественного транспорта либо сокращение числа маршрутов или рейсов
3.4. Самоизоляция по месту жительства	Введение комендантского часа, ограничения на выход из дома
4. Межрегиональная и международная мобильность	
4.1. Передвижение между регионами	Ограничения (например, введение обязательного тестирования) либо запреты на передвижение между регионами.
4.2. Международные поездки	Ограничения или запрет на въезд прибывающих из других стран
5. Информационная кампания	Донесение до населения информации о пандемии, средствах защиты от нее и принимаемых правительством мерах
Индекс жесткости антиковидной политики (ИЖ)	Интегральный показатель, отражающий девять первичных индикаторов (1, 2, 3.1–3.4, 4.1–4.2 и 5).

Каждый индикатор имеет два измерения: 1) сила ограничений (учитывающая их степень и характер — например, делается различие между строго обязательными и рекомендуемыми ограничениями); 2) универсальность применения (например, полный или частичный территориальный либо отраслевой охват). Эти два измерения пересчитываются в единый индекс, принимающий значения от 0 (полное отсутствие карантинных мер) до 100 (максимальный уровень ограничений). Значения для агрегированных показателей 3 и 4 определялись как среднее из значений их составляющих.

Эксперты МВФ, используя данные базы OхCGRT, получили количественные оценки влияния различных видов сдерживающих мер как на распространение пандемии, так и на экономику³. Они пришли к выводу, что локдаун, запрет общественных мероприятий и самоизоляция по месту жительства в наибольшей мере ограничивают заболеваемость, однако при этом также ведут к наибольшим экономическим потерям. Ограничение межрегиональной мобильности тоже имеет высокую экономическую «цену», но при этом заметно менее эффективно с точки зрения снижения заболеваемости. Напротив, ограничения на международные поездки сравнительно мало влияют на экономику, однако вносят существенный вклад в борьбу с распространением пандемии.

Для оценки карантинных мер, введшихся в России, мы сопоставляем показатели, относящиеся к нашей стране, с выборкой из 75 стран, охватывающей все крупнейшие экономики. Список включает по 25 стран с высоким, средним и низким доходом. К первой группе были отнесены страны с ВВП на душу более 35 тыс. долл. (этот показатель во всех случаях рассчитывался по паритету покупательной способности) – фактически это граница, отделяющая развитые страны от остальных. Во вторую группу попали страны с душевым уровнем ВВП от 15 до 35 тыс. долл. (нижняя граница была выбрана таким образом, чтобы во вторую группу попало большинство стран с формирующимися рынками). Оставшаяся третья группа объединила страны с душевым доходом ниже 15 тыс. долл. В выборке были представлены все части света, в том числе Азия и Океания (29 стран), Америка (13), Африка (9) и Европа (24 страны).

Наш анализ охватывает период с начала марта 2020 года (когда большинство стран начало вводить пандемические ограничения) до конца апреля 2021 года.

³ Deb P. et al. (2020). The economic effects of COVID-19 containment measures // IMF Working. — Paper No. 20/158.

Анализ показал, что рассматриваемые страны значительно различались между собой характером карантинных ограничений. Так, две страны — Беларусь и Тайвань — выделяются использованием минимальных ограничений практически по всем направлениям. В частности, обе эти страны никак не ограничивали деятельность предприятий — т. е. не вводили «локдаун». Если говорить о странах с максимальными ограничениями, то здесь по каждому показателю имелись свои лидеры. Например, круг стран с наиболее жестким локдауном включал Ирландию, Великобританию и Италию, наиболее серьезные ограничения на личные контакты вводились в Аргентине, Китае и Индии, почти полный запрет международных поездок действовал в Австралии, Новой Зеландии и Канаде.

Различия в интенсивности ограничений между группами стран с разным уровнем доходов по части показателей были незначительными. Вместе с тем там, где уровень ограничений различался, в «богатых» странах он в основном был ниже. Это касается работы учебных заведений, общественного транспорта, самоизоляции и передвижения между регионами. Единственное исключение – международные поездки, где страны с высоким доходом использовали более сильные ограничения (Таблица 2 и График 1).

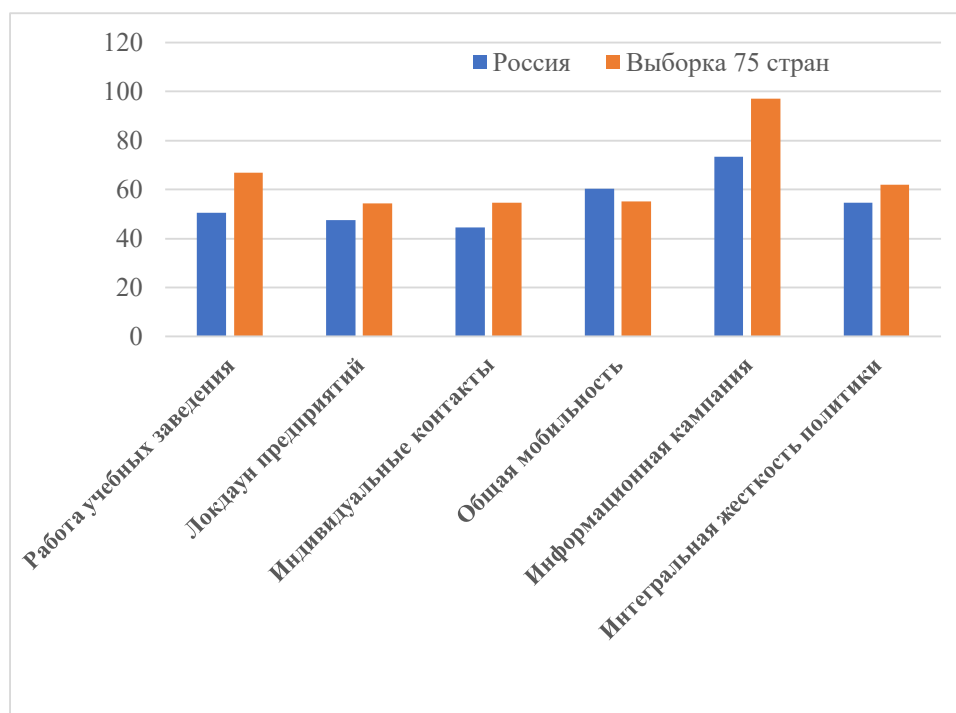
Таблица 2. Средние за период показатели жесткости антиковидной политики по группам стран и России

Показатель	Россия	Выборка 75 стран	Группы стран по уровню ВВП на душу населения		
			Высокий	Средний	Низкий
1. Режим работы учебных заведений	50.5	66.8	56.7	71.5	72.2
2. Работа предприятий ("локдаун")	47.6	54.4	52.8	56.9	53.3
3. Индивидуальные контакты	44.3	54.2	49.7	56.0	56.8
3.1. Публичные мероприятия	74.7	75.3	74.7	78.1	73.2
3.2. Частные встречи	66.2	71.8	73.6	71.9	70.0
3.3. Общественный транспорт	9.7	30.2	19.7	32.3	38.7
3.4. Самоизоляция по месту жительства	26.7	39.3	30.9	41.6	45.5

4. Межрегиональная и международная мобильность	55.2	60.2	59.6	62.4	58.6
4.1. Передвижение между регионами	31.1	50.1	43.0	54.8	52.5
4.2. Международные поездки	79.2	70.3	76.2	70.1	64.7
5. Информационная кампания	73.5	97.1	99.6	97.1	94.6
Жесткость антиковидной политики	54.5	61.9	58.8	64.1	62.7

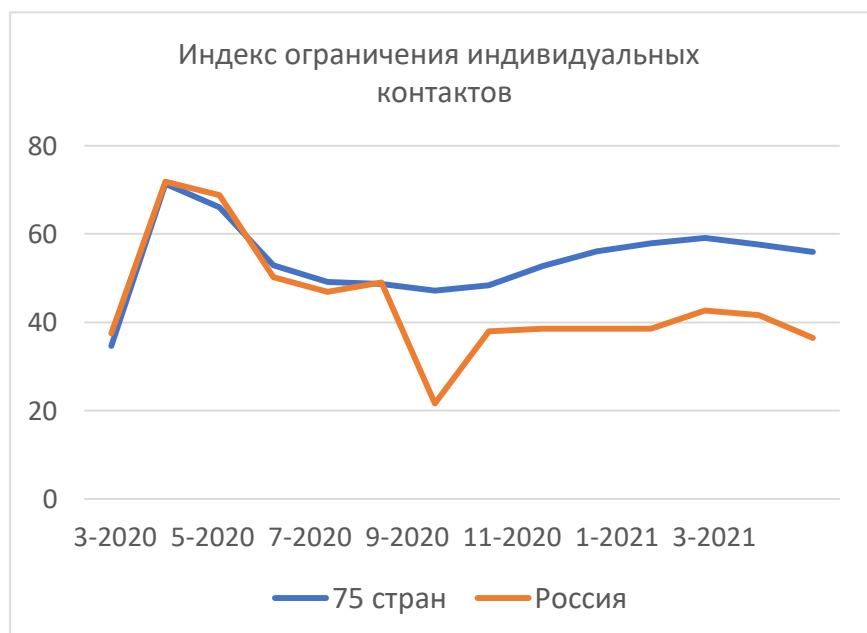
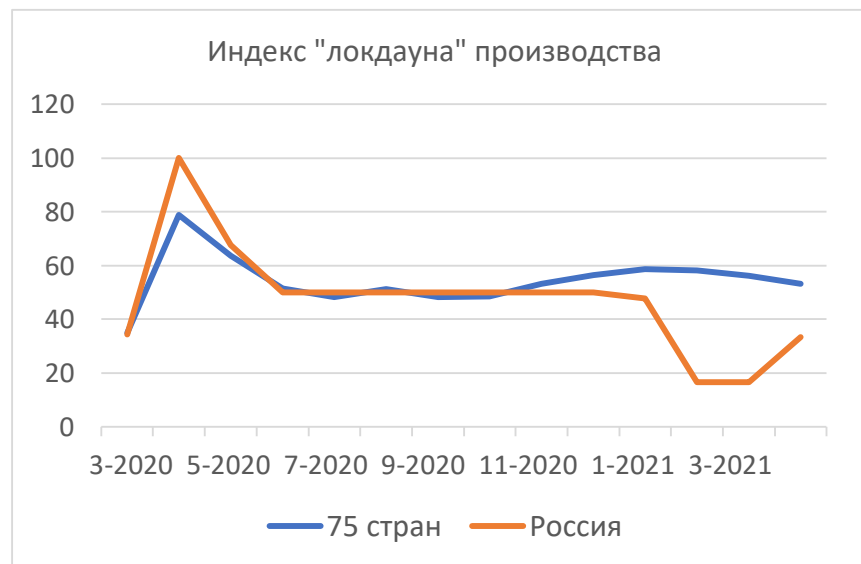
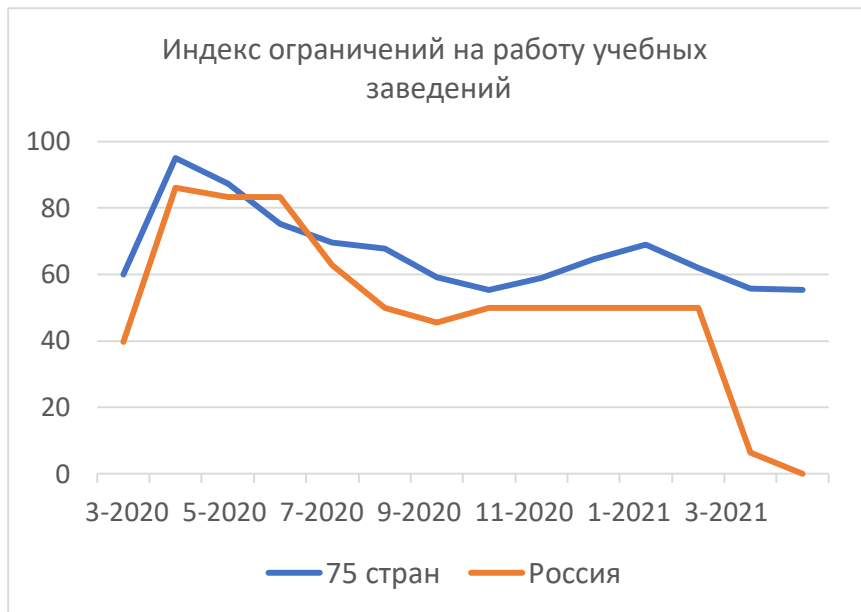
Как показывает левый столбец Таблицы 2, средний за период уровень антиковидных мер в России для большинства показателей был относительно мягким по сравнению с типичным для других стран. Особенно существенный разрыв наблюдался в ограничениях для учебных заведений, работы общественного транспорта и в проведении информационной кампании. Исключение составляли только международные поездки, где действовали достаточно жесткие ограничения, и (в меньшей степени) ограничения на проведение публичных мероприятий, которые примерно соответствовали характерному для других стран уровню. В целом за рассматриваемый период российский интегральный показатель жесткости антиковидной политики был заметно ниже, чем в среднем по каждой группе стран. На Графике 1 представлено соотношение между средними показателями укрупненных видов различных ограничительных мер.

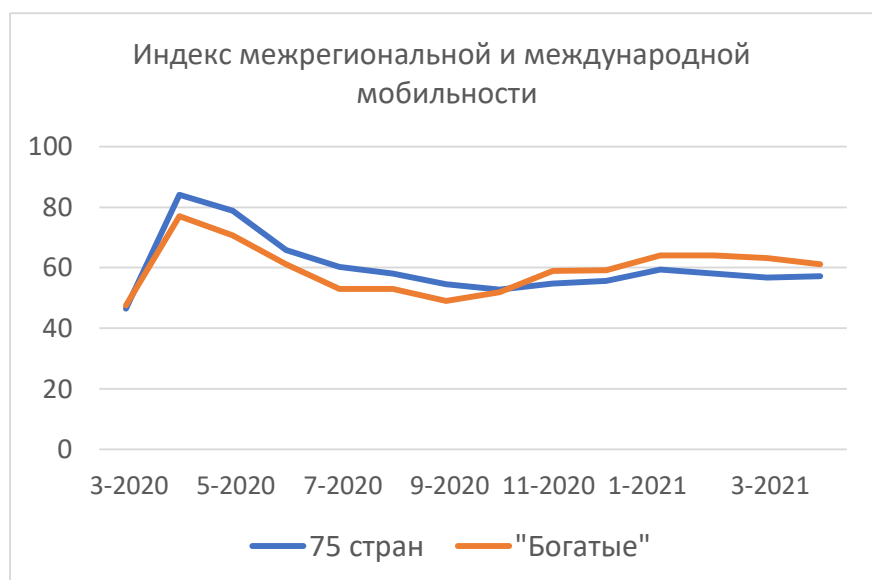
График 1. Средние показатели жесткости ограничений по выборке 75 стран и России

Однако специфика проводившейся в России политики карантинных ограничений состояла не столько в их интенсивности, сколько в динамике изменения. Приводимая на Графиках 2–5 месячная динамика четырех основных показателей дает практически одну и ту же картину. До определенного момента жесткость ограничений, действовавших в России, близка к среднемировому уровню. Однако затем применяемые в нашей стране ограничения резко ослаблялись, после чего значительно отставали от среднего по другим странам уровня. Для учебных заведений и предприятий ослабление ограничений произошло в феврале—марте 2021 года, для индивидуальных контактов и мобильности (прежде всего, внутренней) — существенно раньше (в августе – сентябре 2020 года).

Графики 2–5. Динамика жесткости ограничений по отдельным показателям в России

Анализ динамики интегрального показателя жесткости антиковидных мер в рассматриваемых странах позволяет выделить три основных профиля политики (Таблица 3). В первой (наиболее многочисленной) группе стран показатель ИЖ имел U-образный вид, т. е. после периода высоких значений существенно снижался, а затем вновь возрастал (можно предположить, что это отражало волны пандемии). Такой профиль характерен для большинства стран ЕС и крупнейших стран Азии. Во второй группе уровень ковидных ограничений оставался примерно стабильным (с отдельными отклонениями). Данная группа включала страны как с относительно высоким уровнем ограничений (как Аргентина или Великобритания), так и с относительно низким (Тайвань, Южная Корея). Наконец, в третьей группе наблюдался выраженный понижательный тренд (в одних случаях — равномерно распределенный по всему периоду, в других — в виде резкого падения в определенный момент). В этой группе были представлены в основном страны с формирующимися рынками, включая Россию.

Таблица 3. Классификация стран по динамике жесткости антиковидной политики

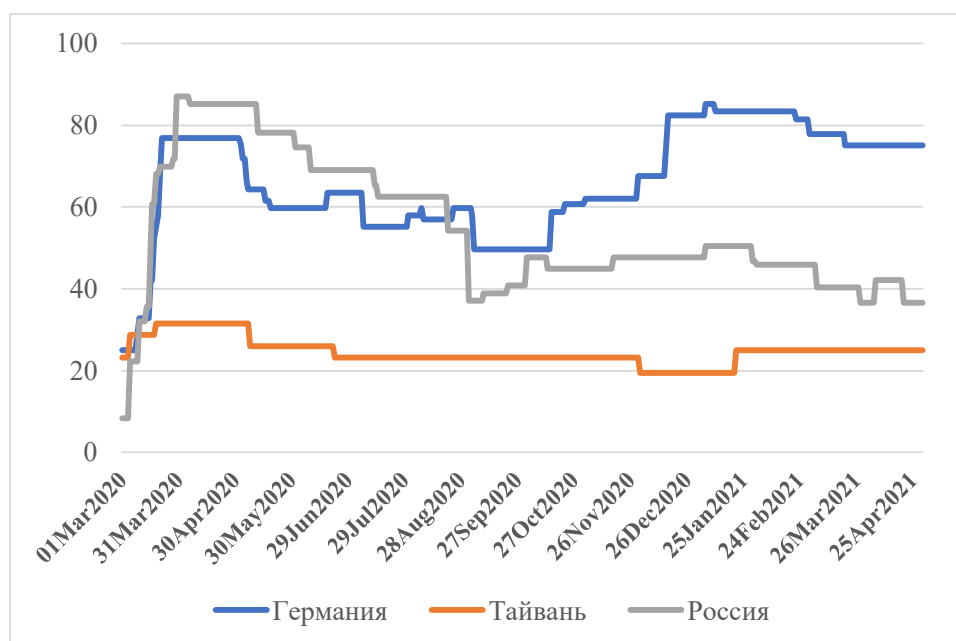
Вид динамики ИПЖ	Примеры стран с соответствующей динамикой
U-образный профиль	Венгрия, Германия, Индия, Индонезия, Испания, Италия, Китай, Нидерланды, Польша, Франция, Япония
Плоский профиль	Аргентина, Великобритания, Канада, Тайвань, Швеция, Южная Корея

Понижательный профиль	Вьетнам, Египет, Казахстан, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, ЮАР
-----------------------	---

Речь при этом идет лишь о качественной картине, поскольку в пределах каждой группы наблюдаются существенные различия в уровне вводимых ограничений, скорости и глубине изменений или моментах перелома тенденций. Можно предположить, что за такими различиями стоят разные мотивы принимаемых решений: так, одни страны вероятно, смягчали ограничения на работу предприятий по мере снижения числа коронавирусных заболеваний, другие могли делать это под давлением бизнеса, работников или необходимости пополнить бюджет. В пределах третьей группы стран (с понижающей динамикой показателя ИЖ) наиболее близкую к российской динамику данного показателя демонстрировали Саудовская Аравия и ЮАР.

На Графике 6 три описанных профиля проиллюстрированы представляющими соответствующие группы странами – Германией, Тайванем и Россией.

График 6. Три профиля жесткости антиковидной политики

В заключение отметим, что сложность системы взаимных связей между показателями, описывающими развитие пандемии и действия правительства в разных странах, указывает на необходимость осторожности в оценках. Следует сознавать, что:

- большинство рассматриваемых факторов оказывали взаимное влияние друг на друга (например, степень жесткости карантинных ограничений во многом определяла заболеваемость, но, в свою очередь, зависела от ее уровня);

- многие важные факторы плохо поддаются измерению (например, степень выполнения населением вводимых ограничений, качество системы здравоохранения, интенсивность повседневных контактов между гражданами, например, в общественном транспорте и т. п.);
- выявленное исследователями постепенное снижение «экономической цены» пандемических ограничений (за счет адаптации к ним экономических агентов)⁴ последовательно меняло условия, исходя из которых принимались решения по «локдауну» и прочим мерам изоляции.

Имеющиеся данные позволяют лишь с уверенностью утверждать, что уровень и состав ограничений оказывали существенное воздействие на процесс распространения пандемии и на экономические потери, связанные с ее прохождением.

При этом важно отметить несколько важных особенностей, характеризующих антиковидные меры применявшиеся в России:

1. До июля 2020 года наша страна проводила более жесткие ограничительные меры, чем это было в среднем характерно для других стран.
2. Начиная с сентября, жесткость антиковидных мер в России начала резко снижаться. В первые месяцы 2021 года этот процесс продолжился⁵.
3. В результате средний за время пандемии уровень жесткости ограничительных мер, применявшихся в России, можно охарактеризовать как относительно невысокий. Это в особенности касается режима работы учебных заведений, общественного транспорта и информационной политики.

⁴ Battistini N., Stoevsky G. The impact of containment measures across sectors and countries during the Covid-19 pandemic // ECB Economic Bulletin. — 2021. — Issue 2.

⁵ В связи с началом третьей волны эпидемии, уровень жесткости ограничений несколько повышался с середины июня, но этот период нами специально не рассматривается в рамках данной работы.

РАЗДЕЛ 2

Татьяна Михайлова,
приглашенный преподаватель Российской экономической школы

ИЗБЫТОЧНАЯ СМЕРТНОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ

Пандемия Covid-19, неизвестной прежде вирусной инфекции, поставила задачу оперативного сбора и анализа данных. Уже в первые месяцы пандемии стало ясно, что сбор данных по заболеваемости, течению болезни, летальным исходам сопряжены с трудностями. Стандарты регистрации заболеваемости и смертности в разных странах различаются. Пропускная способность диагностических лабораторий и медицинской системы в целом влияет на возможность фиксировать все случаи болезни. Статистические органы испытывают сложности с оперативным учетом показателей и пользуются разными методиками учета. Политические соображения вмешиваются в процесс сбора и публикации статистики. Эти проблемы присущи не только России, но и в разной степени всем странам мира. В результате официальная статистика оказывается несравнимой между странами или даже не отражает реального положения дел. Единственным надежным показателем, пригодным для межстрановых сравнений и анализа динамики эпидемии, не зависящим от методов сбора данных, стала избыточная смертность⁵.

1. Избыточная смертность как показатель заболеваемости Covid-19

Сейчас, по прошествии полутора лет с начала пандемии, в сообществе практикующих врачей так и не выработан консенсус по эффективному лечению тяжелых случаев коронавирусной инфекции. Разумеется, современная медицина помогает человеку преодолеть болезнь, а неоказание медицинской помощи может иметь трагические последствия. Но, к сожалению, роль медицины в лечении Covid-19 все же

⁵ Подробнее о проблемах сбора статистики заболеваемости Covid-19 см., например: Beaney, Thomas, et al. Excess mortality: the gold standard in measuring the impact of Covid-19 worldwide? // Journal of the Royal Society of Medicine. — 113.9 (2020). P. 329–334.

маргинальна, существенного снижения летальности Covid-19, на порядки величины, добиться не удалось. По оценкам специалистов, главный фактор, определяющий вероятность смерти от Covid-19 — это возраст пациента⁶. Соответственно, при равном числе заразившихся, наблюдаемая средняя летальность вируса в разных популяциях зависит прежде всего от возрастной структуры населения — чем больше пожилых людей в популяции, тем больше процент летальных исходов. Это печальное свойство вируса Covid-19 позволяет исследователям все же проводить адекватные межстрановые сравнения в отсутствие надежной статистики заболеваемости и причин смерти. Избыточная смертность становится самым надежным показателем масштаба эпидемии.

Избыточная смертность — это превышение фактического числа умерших на душу населения за определенный календарный период над ожидаемым уровнем. Под ожидаемым числом умерших следует понимать прогноз, который получен путем анализа данных о смертности за предыдущие годы. Избыточная смертность, таким образом, — это оценка числа дополнительных смертей за период времени, которые не случились бы, если бы не было пандемии.

Статистика регистраций факта смерти достаточно надежна — даже если не удастся диагностировать и учесть все жертвы вируса, общее число смертей за календарный период известно с достаточной точностью практически во всех странах. Мы также знаем из опыта многих стран, что число умерших от Covid-19 практически совпадает с избыточной смертностью за период пандемии (или, скорее, превышает ее). В период коронавирусных ограничений (карантинов, мер по социальному дистанцированию) во многих странах мы наблюдали снижение общей смертности до тех пор, пока вирус не распространялся в популяции⁷ — это происходило за счет снижения смертности от других инфекционных болезней и от несчастных случаев. Таким образом, оцененную избыточную смертность можно считать оценкой общего числа жертв Covid-19 снизу: это нижний предел возможного диапазона истинных смертей от Covid-19.

Сравнивая избыточную смертность в разных странах, мы фактически (с поправкой на возможные различия в возрастной структуре населения) можем вычислить и сравнить и распространенность заболевания в них. Большое количество избыточных смертей в период эпидемии говорит постфактум о большом числе случаев заражения Covid-19. Эта

⁶ Например, см.: Chen, Xingdong, and Zhenqiu Liu. Early prediction of mortality risk among severe Covid-19 patients using machine learning // MedRxiv. — 2020.

⁷ См. рисунок 2 в: Karlinsky, Ariel, and Dmitry Kobak. The World Mortality Dataset: Tracking excess mortality across countries during the Covid-19 pandemic // MedRxiv. — 2021.

мера не зависит от особенностей первичного учета случаев заражения, распространенности тестирования, методов диагностики и других нюансов сбора статистической информации о Covid-19, которые могут различаться между странами.

2. Методики расчета избыточной смертности

Главная техническая сложность в расчете избыточной смертности — это расчет прогноза «нормального» уровня смертности — гипотетического уровня, который наблюдался бы без пандемии. Возможны несколько подходов к построению этого прогноза, различающихся методами обработки данных о смертности за прошлые годы.

- Простейший способ оценить уровень избыточной смертности — сравнить число смертей в период пандемии с числом смертей в аналогичный период последнего предковидного года, 2019-го. Такая оценка очень неточна, поскольку в конкретном 2019 году могли наблюдаться разнообразные факторы, также влияющие на смертность. Например, известно, что экстремально жаркая или экстремально холодная погода являются факторами риска для людей со слабым здоровьем, и в такие периоды смертность бывает повышена по сравнению со средним многолетним уровнем. Если 2019 год по каким-либо причинам отличается от «среднего года», мы получим смещенную оценку избыточной смертности в 2020–2021 годах.

Чтобы избежать этой зависимости от идиосинкразий 2019 года, используют также усредненные данные о смертях за 5–10 прошедших лет. Тогда оценкой избыточной смертности станет разница между числом умерших в период пандемии и в соответствующий период 2014–2019 годов в среднем.

Оценка, базирующаяся на усреднении за последние 5–10 лет также может быть смещена, если в стране наблюдается устойчивая тенденция роста или снижения смертности. Например, если смертность снижалась год от года, то ожидаемый уровень «обычной» смертности в 2020 году был бы ниже, чем в 2019 и ниже, чем за 2014–2019 годах в среднем. В таком случае корректно построить прогноз «нормального» уровня смертности в 2020 году с учетом тенденций за последние годы, а уже потом рассмотреть разницу с фактическим уровнем в период пандемии. В России в последние годы наблюдалась как раз такая тенденция: смертность постепенно снижалась в последнее десятилетие.

Если стоит задача оценить динамику избыточной смертности по месяцам или неделям, необходимо строить прогнозы «нормального» уровня смертности с учетом внутригодовой

сезонности. Известно, что в среднем в северном полушарии пик смертности приходится на зимние месяцы года, а летние месяцы, наоборот, характеризуются снижением числа смертей. Для того, чтобы учесть сезонность, можно применять сравнения с соответствующими месяцами прошлых лет (одного года или усредненных многолетних значений). Можно также построить сезонную кривую «нормальной» смертности на основе функциональной формы или помесечных индикаторных переменных.

Проект Eurotomato анализирует недельную смертность, используя в качестве эталона «нормального» уровня сезонной смертности оцененную по прошлым годам синусоидную кривую: максимум смертности приходится на середину января, минимум — на середину июля⁸. Для России моделировать сезонность смертности синусоидой не самый удачный выбор, поскольку в России внутригодовая сезонность в смертности следует явно несимметричному циклу (см. График 1). Чаще всего минимум смертности наблюдается в августе, максимум — в декабре. Более адекватную прогнозную модель можно построить с использованием индикаторных переменных месяца — это позволяет учесть внутригодовую несимметричность.

На Графике 1 представлен результат оценки прогнозной модели и фактические месячные данные по числу умерших в Российской Федерации. Модель включает линейный тренд (в России на протяжении 2015–2019 годов общая смертность плавно снижалась) и полный набор индикаторных переменных месяца. Модель оценивалась на данных с января 2015 по декабрь 2019 года, а затем на основе модели был сделан прогноз гипотетического числа умерших в 2020–2021 годах, который реализовался бы, если бы не пандемия Covid-19. Красным проиллюстрированы месяцы, когда фактическое число умерших в России превышало верхнюю границу 95%-го доверительного интервала прогноза. Заметим также, что в первые месяцы 2020 года (с января по март) общая смертность была немного ниже ожидаемой.

⁸ <https://www.euromomo.eu/> - совместный проект более 30 профессионалов в области демографии, статистики и охраны здоровья из 27 стран Европы

График 1. Предсказанное и фактическое число умерших по месяцам, вся Россия

Предсказанное число умерших вычислялось на основе регрессионной модели с линейным трендом и набором индикаторных переменных месяца на данных оперативного ежемесячного учета (Росстат) за период с января 2015 по январь 2019 года. Красным выделен период с мая 2020 по май 2021 года. Избыточное число смертей в каждый месяц периода пандемии Covid-19 — разность между фактическим значением (красный) и предсказанным (синий). Доверительный интервал прогноза представлен для иллюстрации статистической значимости отклонения от «нормальных» уровней смертности.

По этим расчетам общее число избыточных смертей за период с апреля 2020 по май 2021 года в Российской Федерации составило почти 532 тыс. человек, что является превышением на 26 % от нормы. Эта оценка превышает в 3,7 раза официальное число смертей от коронавируса по данным Роспотребнадзора РФ (143 тыс. чел), и в 2,7 раза — число смертей с коронавирусной инфекцией по данным Росстата (194 тыс. чел).

С практической точки зрения опыт оценки избыточной смертности в России в период пандемии показал, что для оперативной оценки с достаточной степенью точности можно использовать сравнения с 2019 годом. 2019 год с точки зрения смертности оказался достаточно близким к среднему за прошлое десятилетие, если учесть долгосрочную тенденцию на снижение общей смертности. Простое сравнение 2020 и 2021 годов с 2019 годом игнорирует тот факт, что из-за этой тенденции в 2020 году без пандемии ожидалось бы меньше смертей, чем в 2019-м, и дает нам консервативную «оценку снизу» избыточной смертности от Covid-19. По такой консервативной оценке суммарное число избыточных

смертей с апреля 2020 по май 2021 года составляет 470 тыс. человек, или 22 % от нормального уровня.

Косвенным образом из оценок числа избыточных смертей можно вычислить примерную долю россиян, переболевших Covid-19. Если принять, что для возрастной структуры населения России летальность Covid-19 в среднем составляла бы 0,8 % заразившихся, избыточная смертность указывает на то, что с вирусом столкнулись порядка 45 % населения России, или порядка 66 миллионов человек. Официально же Роспотребнадзором РФ было зарегистрировано всего 5,7 миллиона случаев Covid-19 на сегодняшний день.

3. Избыточная смертность в странах мира в период пандемии

Как Россия сравнивается с другими странами по избыточной смертности за весь период пандемии? Научные статьи и онлайн-ресурсы, посвященные сбору статистики и сравнительному анализу избыточной смертности, довольно многочисленны. Кроме уже упомянутого проекта EuroMOMO, среди таких источников можно также упомянуть проект Our World in Data⁹, статью Карлински и Кобака¹⁰ и известный проект по визуализации данных о Covid-19 издания New York Times¹¹.

Карлински и Кобак представляют в удобном виде оценки избыточной смертности по широкому кругу стран мира на конец 2020 года. Для России данные на тот момент были доступны по ноябрь 2020 года, до пика второй волны, и суммарная избыточная смертность составляла 15 % от нормы. В межстрановых сравнениях Россия на ноябрь 2020 года находилась в условной группе умеренно пострадавших от Covid-19 стран. Общая избыточная смертность в России была примерно на том же уровне, что в США (14 %), Великобритании (13 %), Испании (18 %), Бельгии (16 %) или странах Восточной Европы: Польше (16 %), Болгарии (16 %). Ситуация в России была намного благополучнее, чем в большинстве стран Южной и Центральной Америки (где во многих странах последствия пандемии были поистине катастрофическими: 73 % избыточная смертность в Перу, 39 % — в Мексике, 56% — в Боливии). В то же время страны, вводившие строгие карантинные,

⁹ Hannah Ritchie, Esteban Ortiz-Ospina, Diana Beltekian, Edouard Mathieu, Joe Hasell, Bobbie Macdonald, Charlie Giattino, Cameron Appel, Lucas Rodés-Guirao and Max Roser. Coronavirus Pandemic (Covid-19) // Режим доступа: <https://ourworldindata.org/coronavirus>

¹⁰ Karlinsky, Ariel, and Dmitry Kobak. The World Mortality Dataset: Tracking excess mortality across countries during the Covid-19 pandemic // MedRxiv. — 2021.

¹¹ <https://www.nytimes.com/news-event/coronavirus>

демонстрируют околонулевую избыточную смертность: Новая Зеландия, Австралия, Норвегия, Финляндия. Проводящая политику «без карантинов» Швеция продемонстрировала 11 % избыточной смертности. Украина и Беларусь (для которой данные были доступны всего до июля 2020 года) — 5%.

Интересно, что среди очевидных факторов, которые определяют, насколько сильно страна пострадала от пандемии Covid-19 в терминах избыточной смертности, определяющими являются не доход на душу населения и не уровень современной медицины, а, на первый взгляд, различия в карантинных ограничениях, география и возрастная структура населения. Лучше всего справились островные государства, которые могли ввести строгий карантин. Страны с обширной территорией, такие, как США или Россия, без строгих ограничений на мобильность населения неминуемо подвержены растянутой эпидемии: очаги заболеваемости вспыхивают в разных регионах в разное время, и их практически невозможно изолировать.

Стоит упомянуть также, что политика карантинов и подавления заболеваемости наиболее эффективна, если страна использует ее для того, чтобы дождаться достаточного объема вакцины и провести вакцинацию населения. Такую стратегию выбрал Израиль, которому уже удалось вакцинировать существенный процент населения, а также все еще закрытые в ожидании массовой вакцинации Австралия и Новая Зеландия.

4. Развитие эпидемии Covid-19 в России и избыточная смертность

Динамика избыточной смертности также является надежным показателем динамики развития эпидемии постфактум. Поскольку динамика смертей следует за динамикой заражений с лагом в 2–4 недели, можно использовать данные по избыточной смертности для датировки волн распространения коронавируса.

График 2 иллюстрирует детально динамику рассчитанной избыточной смертности в России на период с января 2020 по май 2021 года. Карантинные ограничения, введенные в Москве и других регионах в марте – апреле 2020 года замедлили распространение первой волны вируса. Первый месяц, в который присутствовала заметная в масштабе страны избыточная смертность — это май 2020 года. В мае и июне 2020 года, когда почти все ограничения были сняты, первая волна Covid-19 массово распространилась по регионам России. Смертность, как результат той волны заражений, росла вплоть до июля 2020 года.

График 2. Динамика избыточной смертности в России в период пандемии Covid-19

Вторая волна началась с открытием школ и возвращением работающих людей из летних отпусков в сентябре 2020 года. Кульминацией второй волны стали ноябрь и декабрь 2020, пик смертности был достигнут в декабре — число умерших превысило норму более, чем на 66 %. Все это время практически никакие карантинные ограничения ни в столицах, ни в регионах России не применялись. С января по май 2021 года эпидемия медленно затухала, по-видимому, после того, как иммунная прослойка, достаточная для затухания эпидемии при существующих штаммах вируса, была достигнута «естественным» путем — то есть ценой встречи с болезнью почти половины россиян.

Реакция государств мира на пандемию Covid-19, ввод ограничительных мер в разных странах мира и России, их динамика и сравнения в деталях обсуждаются в материале Е. Т. Гурвича выше. Здесь рассмотрим динамику ограничительных мер в сравнении с интенсивностью пандемии (измеряемой через избыточную смертность) в России. График 3 иллюстрирует динамику ковидных ограничений и динамику избыточной смертности в России с начала 2020 года по текущий момент. Строгость ограничений измеряется взвешенным индексом проекта Our World in Data, который включает в себя показатели девяти видов применяемых ограничений (таких, как закрытие школ и бизнесов, отмена массовых мероприятий, ограничения на собрания, и т. д.). Индекс варьируется от 0 до 100, где 100 соответствует наиболее строгим ограничениям, 0 — отсутствию каких-либо ограничений.

График 3. Динамика избыточной смертности и индекса строгости ковидных ограничений в России

Источники данных: индекс ограничений – OxCGRТ, в сети на сайте проекта Our World in Data (<https://ourworldindata.org/covid-stringency-index>), избыточная смертность в месяц, % от нормы — расчеты автора по данным Росстата.

Как видно из графика, когда первая волна заболеваемости только начинала развиваться, в России карантинные ограничения постепенно снимались. Вторая волна началась на фоне ослабления ограничений, но новые ограничения с тех пор не вводились, несмотря на растущую заболеваемость и смертность, реакции государства в форме усиления ограничений не было.

Для сравнения: график 4 представляет те же данные для Великобритании. Великобритания вводила ограничения в момент начала первой волны, затем ослабила их, а затем усилила снова в начале второй волны. Поскольку избыточная смертность — это запаздывающий индикатор эпидемии, к моменту, когда число летальных исходов начинает расти, заболеваемость должна была уже вырасти как минимум на протяжении 2–3 недель. Поэтому нельзя сказать, что Великобритания реагировала на ухудшение эпидемиологической обстановки вовремя, скорее меры вводились с опозданием. Но, в отличие от России, мы видим адаптацию ограничительных мер к росту заболеваемости.

График 4. Динамика избыточной смертности и индекса строгости ковидных ограничений в Великобритании

Источники данных: Our World in Data, индекс ограничений (<https://ourworldindata.org/covid-stringency-index>), избыточная смертность в неделю, % от нормы (<https://ourworldindata.org/excess-mortality-covid>).

В настоящий момент, на июль 2021 года, уже достоверно известно, что в России идет третья волна Covid-19, вызванная более заразным штаммом «дельта». Я ожидаю, что в данных по смертности последствия этой третьей волны начнут проявляться уже в июне. Июль же может стать месяцем печального антирекорда. К сожалению, к началу третьей волны Россия подошла без достаточной прослойки людей со стойким иммунитетом к новому штамму вируса несмотря на то, что страна обладает собственной качественной вакциной.

Как показывает опыт Южной Америки, большое число переболевших в первую волну не гарантирует обществу в целом защиты от новых волн, вызванных новыми штаммами вируса. Однако стойкий иммунитет (от вакцинации или перенесенной болезни) защищает от тяжелого течения болезни индивидуально. Опыт Великобритании дает этой версии косвенное подтверждение. В Великобритании вакцинирована намного большая доля населения, число выявленных случаев заражения штаммом «дельта» в настоящее время заметно выросло, но наблюдаемая летальность вируса остается низкой уже в течение месяца после начала новой волны.

Россия не успела провести кампанию массовой вакцинации до начала «третьей волны», и существенный рост темпов вакцинации наблюдается только сейчас. Остается надеяться,

что этот опыт поможет ускорить массовую вакцинацию и избежать еще одной, четвертой волны, которую может спровоцировать грядущее начало учебного года в сентябре 2021.

РАЗДЕЛ 3

Олег Буклемишев,

директор Центра исследования экономической политики
экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИКА: КАК РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВОВАЛО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОСЛЕДСТВИЯМ ПАНДЕМИИ

1. Основные дилеммы экономической политики в период пандемии

Весной 2020 года, столкнувшись с внеэкономическим вызовом небывалых масштабов – пандемией Covid-19, все правительства встали перед дилеммой: объявить локдаун, затруднив тем самым распространение болезни и снизив в моменте сверхнагрузку на систему здравоохранения, но пойти при этом на серьезные экономические потери в результате частичного прекращения нормальной хозяйственной деятельности, или не навязывать населению значимых ограничительных мер, рискуя излишними заражениями и жертвами.

Такой выбор мог казаться невообразимым до начала эпидемии – особенно с учетом действующих в ряде стран конституционно-правовых норм, но после жестких карантинных, введенных сначала в Китае, а затем и в Италии, почти все государства в той или иной мере последовали их примеру¹². Кроме того, недостаточность информации и высокая степень неопределенности на начальных стадиях распространения инфекции в отношении основных ее характеристик — контагиозности и летальности — подталкивали правительства в пользу принятия более решительных превентивных мер.

Разумеется, выбор на каждом шаге был гораздо сложнее, чем описанные «чистые» альтернативы полной свободы и тотального локдауна, он делался на широком пространстве вариантов, лежащих между крайними значениями на «шкале строгости

¹² How to assess the costs and benefits of lockdowns // The Economist. — 2021. July 3. Режим доступа: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2021/07/01/how-to-assess-the-costs-and-benefits-of-lockdowns>

карантина». Определение в зависимости от текущей статистики и угрозы дальнейшего распространения заболевания, а также иных социально-экономических параметров в динамическом режиме наиболее подходящей точки на этой шкале явилось первым ключевым параметром государственной политики в период пандемии (см. подробнее об уровне жесткости ограничительных мер в разных странах в материале Е. Гурвича выше).

Прекращение в результате решений государственных органов нормального функционирования экономики фактически обрекало большинство компаний на полную или частичную остановку производства товаров и услуг, а людей, занятых в частном секторе экономики, лишало источника дохода. В этой связи в странах с действующими демократическими механизмами обратной связи между властью и обществом естественным и справедливым решением виделось предоставление бизнесу и домашним хозяйствам соответствующих компенсаций за счет бюджетных ресурсов. Отметим, что эта помощь была сочтена необходимой, несмотря на снижение текущих налоговых поступлений в результате локдауна, поскольку таким образом обеспечивалось сохранение человеческого и организационного капитала, а также компенсировался провал в хозяйственной деятельности, что должно было облегчить процесс дальнейшего восстановления экономики. Таким образом, вторым важнейшим параметром экономической политики государств в период пандемии, тесно связанным с первым (строгостью карантинных мер), являлись масштабы и формы поддержки, которая оказывалась экономике и гражданам в связи с введением ограничений.

Резюмируя, можно констатировать, что, по большому счету, выбор государственной политики (тем более — в свете значительной непопулярности карантинных мер среди населения) формулировался в терминах следующей формулы: чем выше жесткость карантина, тем больше должен быть размер компенсаций. Основным источником выплат населению и бизнесу в большинстве случаев являлось наращивание эмиссии государственного долга, и без того заметно выросшего после глобального финансового кризиса. Так, по данным Международного валютного фонда, в странах "большой семерки" государственный долг как доля к ВВП вырос с 88,6 % в 2008 году до 118 % в 2019 году. Однако ожидается, что в 2021 году этот показатель достигнет почти 140 % от ВВП — исторический рекорд, заметно превышающий даже отметки периодов мировых войн. В развивающихся странах аналогичный показатель в 2021 году составит 64 % от ВВП, за 13 лет практически удвоившись.

Заметим, что в ряде развитых стран продолжалась реализация политики «количественного смягчения», обеспечивающей непрямое приобретение части эмитируемых казначейских облигаций центральными банками. Однако дальнейшее осуществление данной политики сталкивается с инфляционными ограничениями, диктующими необходимость внесения изменений в монетарную стратегию.

Таким образом, против установления серьезных карантинных мер действовали мощные факторы как социально-политического, так и фискально-экономического характера. Тем значимее оказывается тот факт, что жесткие карантинные меры все-таки вводились практически повсеместно, в том числе и в государствах с высокими стандартами демократического устройства¹³.

2. Российская реакция на пандемию: нерабочие дни и самоизоляция

Определение необходимых ограничительных мер по борьбе с эпидемией в России изначально было делегировано федеральным центром региональным органам власти, по-видимому, в расчете переложить на них ответственность за неприятные последствия. Если намерение было таково, то оно не увенчалось успехом: как показывает индекс ФОМ по борьбе с эпидемией, социологические показатели отношения людей к деятельности федеральных и региональных органов власти тесно коррелируют¹⁴. В конце марта 2020 года в ряде регионов страны были установлены ограничения на работу предприятий торговли и сферы услуг, а также посещение населением общественных мест и перемещение по населенным пунктам (за исключением удовлетворения первоочередных нужд) — так называемый «режим самоизоляции», а также «нерабочие дни», что подразумевало приостановку деятельности большинства предприятий.

Для борьбы с эпидемией региональным органам власти при финансовой поддержке федерального центра пришлось предпринимать экстренные мобилизационные усилия по развертыванию системы госпиталей, работающих с гражданами, у которых коронавирусная инфекция протекала в наиболее тяжелой форме. Эти усилия стали тем более значительными, поскольку в течение ряда лет до этого в стране проводилась

¹³ Sarah Engler, Palmo Brunner, Romane Loviat, Tarik Abou-Chadi, Lucas Leemann, Andreas Glaser & Daniel Kübler. Democracy in times of the pandemic: explaining the variation of COVID-19 policies across European democracies // West European Politics. — 2021. — DOI:10.1080/01402382.2021.1900669.

¹⁴ <https://covid19.fom.ru/post/borba>

политика «оптимизации» системы здравоохранения, заметно сократившая ее потенциальные возможности. Вынужденное перепрофилирование медицинских учреждений и приостановка оказания медицинской помощи по другим направлениям также негативно сказались на состоянии здоровья населения.

Режим самоизоляции и нерабочих дней, а также ответственность за его несоблюдение вводились фактически на «живую нитку» вне существующего правового поля; соответственно, покрытие ущерба и предоставление иных компенсаций пострадавшим не были предусмотрены. Необходимо отметить при этом высокую региональную дифференциацию карантинных мер в России (наиболее интенсивных в крупных городах западной части страны), а также разнородные результаты их применения (иллюстрируется пестрой динамикой индекса самоизоляции Яндекса¹⁵).

После мая 2020 года, за исключением непродолжительных периодов, российские карантинные ограничения были наименее обременительными по сравнению с большинством стран (см. подробнее в материале Е. Гурвича). Несмотря на большие возможности использования авторитарных мер в отсутствие ощутимых институциональных сдержек и противовесов, российские власти продемонстрировали явное нежелание вновь идти по пути жесткого карантина весны 2020 года. Хотя максимальные отметки заболеваемости были превзойдены в конце 2020 года и летом текущего года (см. раздел Т. Михайловой выше), строгие запреты уже не вводились практически повсеместно.

Представляется, что есть два основных объяснения этого факта. Первое — чрезвычайная непопулярность изоляционных ограничений и неоплачиваемых выходных в российском обществе. Помимо всего прочего, с социально-экономической точки зрения подобные ограничения неизбежно носят неравномерный характер — сильнее ударяют по отдельным категориям населения (семьям с детьми, занятым в неформальном секторе, небольших частных предприятиях сектора услуг и пр.) и усугубляют неравенство.

Второе объяснение связано с помощью пострадавшим гражданам и предприятиям. Российские власти сделали все, чтобы не брать на себя юридические обязательства по выплате компенсаций широкому кругу лиц и к тому же обусловили большинство мер поддержки не всегда легко выполнимыми критериями. Кроме того, серьезный анти-пропагандистский эффект имело распространение информации о том, какие суммы помощи предоставлялись населению, вынужденному находиться в локдауне, в развитых

¹⁵ <https://yandex.ru/company/researches/2020/podomam>

странах. Сопоставление заведомо складывалось не в пользу любых компенсаций, на которые были готовы пойти российские власти. Таким образом, отказ от создания малейшего повода для подобного сравнения стал одним из неявных мотивов проводившейся политики.

3. Экономика противостояния пандемии в России

Россия входила в пандемию на фоне роста экономики и, в отличие от многих других государств, в прочном фискальном положении. 2019 год был завершён с бюджетным профицитом, а уровень государственного долга не превышал 20 % ВВП. Более того, размер накопленных бюджетных резервов в Фонде национального благосостояния, который мог быть использован на финансирование потенциального фискального дефицита, составлял свыше 120 млрд долларов, или более 7 % ВВП. Параллельно с началом первых карантинных мер в марте 2020 года в Фонд было зачислено ещё свыше 4 трлн рублей, в результате чего он достиг рекордной отметки 12 % ВВП.

Однако правительством был взят твёрдый курс не на расходование, а на сохранение резервов. Отчасти это было связано с не очень удачным опытом глобального финансового кризиса, когда накопленные в Резервном фонде ресурсы были потрачены на различные антикризисные меры (с пиковых отметок в начале 2009 года к концу 2010 года он сократился более чем на 10 процентных пунктов от ВВП). В итоге Россия оказалась одной из немногих стран, которые израсходовали в кризис 2009–2010 годов в относительном выражении больше средств, чем в период пандемии.

Высокая неопределённость траектории распространения коронавирусной инфекции и самое глубокое снижение цен на нефть за десятилетие (см. График 1) в начале пандемического периода также подталкивали к политике экономии.

График 1. Динамика цен на нефть марки Brent в 2012–2021 годах, \$ за баррель

Источник данных: tradingeconomics.com

Значительные сегменты российской экономики оказались под ударом и были поставлены на грань краха. В марте 2020 года правительство определило перечень из наиболее пострадавших в пандемический период видов экономической деятельности (в окончательном списке значится 23 ОКВЭД — от транспортных предприятий до туризма, бытовых услуг и СМИ). Эти отрасли охватывали около 7 млн занятых, в том числе 5,3 млн — в сфере малого и среднего предпринимательства. Среди заявленных правительством мер для пострадавших отраслей наиболее значимыми были:

- шесть месяцев отсрочки выплат по всем налогам (за исключением НДС);
- отсрочка на шесть месяцев по уплате страховых взносов в государственные внебюджетные фонды для микропредприятий;
- отсрочка по кредитам субъектам малого и среднего предпринимательства на шесть месяцев;
- дополнительные меры обеспечения устойчивого кредитования предприятий реального сектора, включая предоставление госгарантий и субсидирование;
- мораторий на подачу заявлений кредиторов о банкротстве компаний и взыскании долгов и штрафов с предприятий на шесть месяцев;

- отсрочка для малого и среднего бизнеса по уплате арендных платежей за федеральное имущество;
- расширение возможностей МСП для получения кредитов по льготной ставке не более 8,5 % (впоследствии – 7,75 %);
- мораторий на проведение контрольных закупок, плановых и внеплановых проверок.

Однако, несмотря на их разнообразие, эти меры носили скорее точечный, а не комплексный характер. По состоянию на июнь 2021 года ими были охвачены несколько десятков тысяч предприятий на суммы, исчислявшиеся десятками миллионов рублей¹⁶. Значительная часть выделенных средств так и не была выбрана получателями, ссылавшимися на многочисленные сложности и проволочки при получении поддержки. Так, на пролонгацию и отсрочку выплат кредитов аграрным предприятиям было выделено 1,3 млрд рублей из запрошенных 2,6 млрд.; из гарантийного фонда реструктуризации кредитов компаний было выбрано 46 млрд руб. из потенциального объема в 70 млрд. Вообще создавалось впечатление, что правительство больше боялось потратить выделенные средства, чем оставить без денег тех, кому они нужнее всего.

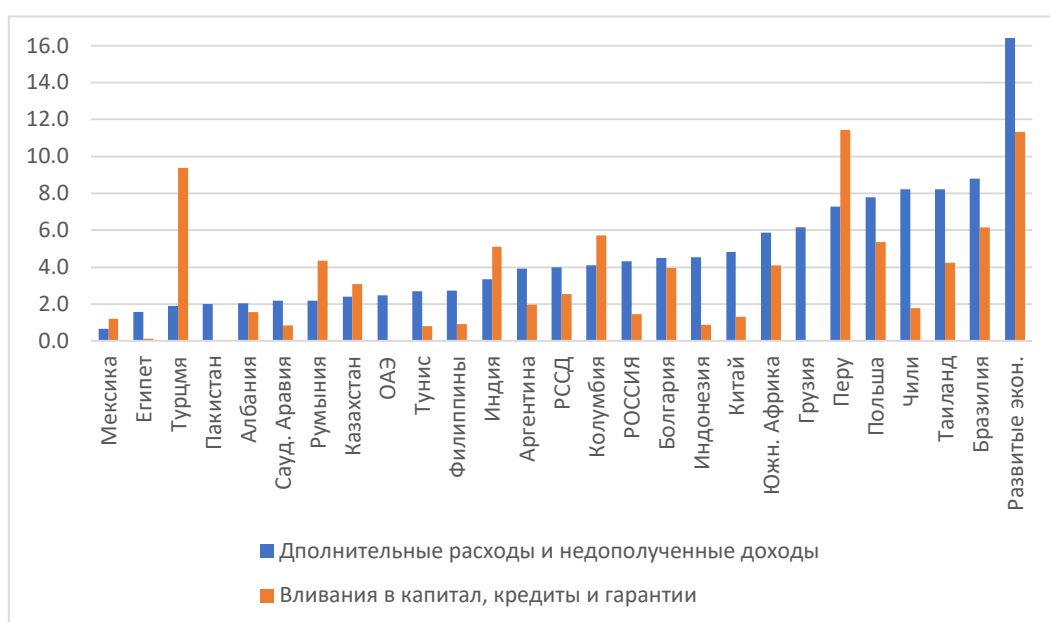
Основной объем выделенных правительством антикризисных ассигнований пришелся не на отраслевые меры, а на поддержку бюджетов субъектов федерации (в 2020 году соответствующее финансирование было увеличено на триллион рублей, то есть на 55 % по сравнению с предыдущим годом и на 37 % по сравнению с бюджетным планом), а также на выплаты семьям с детьми, произведенные за счет средств Пенсионного фонда (на общую сумму около 600 млрд руб.).

Несмотря на относительную умеренность указанных выплат, они сыграли заметную позитивную роль в поддержании общественной стабильности в пандемический период. Региональные бюджеты обеспечили бесперебойное функционирование учреждений социальной сферы и других жизненно важных организаций, а выплаты на детей создали важный задел в борьбе с неравенством и бедностью, поскольку 82 % всех бедных в стране составляют семьи с детьми.

¹⁶ План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции. Правительство России. 24.06.2021 // Режим доступа: <http://static.government.ru/media/covid19/plans/s07STtaBVk4qrJcBA5WjY3bX3bxdJ72/PlanRF.pdf>

В целом же, несмотря на наличие существенных фискальных ресурсов, антикризисная поддержка экономики и населения в России оказалась не слишком щедрой не только по сравнению с развитыми странами (в среднем — свыше 20 % от ВВП), но и с многими развивающимися (см. График 2). В итоге, в отличие от многих других стран, бюджетные резервы России в отношении к ВВП остались приблизительно на том же уровне, что и в начале пандемии; государственный долг вырос незначительно (примерно на 3 процентных пункта ВВП), а дефицит бюджета 2020 года уже в текущем году сменится на профицит.

График 2. Сравнительные объемы поддержки экономики в развивающихся странах и странах с переходной экономикой в период пандемии COVID-19 (по состоянию на апрель 2021 года), % от ВВП

*РССД – развивающиеся страны со средним доходом.

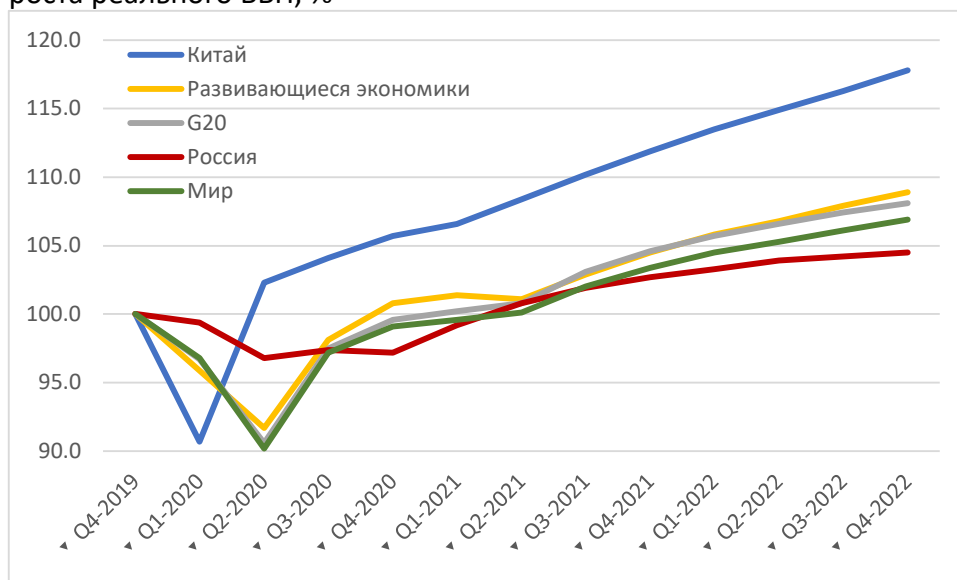
Источник данных: МВФ, <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Fiscal-Policies-Database-in-Response-to-COVID-19>

4. Результаты и последствия экономической политики в период пандемии

Как известно, спад экономики в 2020 году оказался в России не таким глубоким, как во многих других странах (всего 3.1 %). Но и восстановление также не будет чрезмерно динамичным (см. График 3) — во многом в силу выбранной антикризисной стратегии, имевшей своим последствием сворачивание деятельности многих предприятий и сокращение расходов населения. Переход вслед за государством многих домашних

хозяйств и предприятий на защитную модель поведения означает, что потребительское и инвестиционное поведение будет более осторожным, и, соответственно, экономика быстрее упрется в потолок потенциальных возможностей своего текущего развития.

График 3. Прогноз экономического развития в постпандемический период, темпы роста реального ВВП, %

Источник данных: ОЭСР.

Действительно, многочисленные структурные проблемы российской экономики никуда не делись, и на среднесрочной дистанции она, несмотря на предписания президентского указа № 474 от 21 июля 2020 г.¹⁷, продолжит расти темпами, уступающими среднемировым. Кроме того, в период пандемии произошло заметное ухудшение качества экономической политики. Несмотря на отсутствие текущих фискальных проблем и комфортный уровень госдолга, правительство рассматривает различные варианты повышения налогового бремени. В законодательство впервые с советских времен были вмонтированы механизмы директивного контроля за ценами¹⁸. Вспышка внутренней инфляции под влиянием глобальных конъюнктурных факторов может привести к повышению реальных процентных ставок и усилению самоизоляции российской

¹⁷ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года // Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210>

¹⁸ Имеются в виду изменения, внесенные в декабре 2020 года в Федеральный закон от 28.12.2009 N 381-ФЗ "Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации", обеспечившие возможности для дискреционной политики в сфере ценообразования. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109180/2a53da46a14c4345446483a42dbaad74b4d09c25/

экономики¹⁹. Одновременно фоновое постпандемическое увеличение влияния государства грозит дальнейшим разрушением частного сектора и падением общей экономической эффективности.

В любом случае для обеспечения динамичного роста потребления и экономики в целом потребуется фронтальное повышение доходов различных категорий населения для компенсации их многолетнего провала. Так, продажи автомобилей в России после обвала на треть в 2014 году так и не могут выйти на прежние отметки — между тем легковые машины представляют собой самый дорогой и знаковый потребительский товар, а коммерческий транспорт является индикатором инвестиций со стороны не крупного бизнеса.

Пока приоритеты экономической политики, напротив, сводятся к активизации инвестиционной деятельности и наращиванию экспорта. Отсутствие у государства достаточного числа качественных проектов ставит под сомнение достижение первой цели, а усиление тенденций по декарбонизации глобальной экономики — второй (альтернативные статьи экспорта по-прежнему заметно уступают углеводородным по стоимостному объему). Это означает, что из пандемии российская экономика выходит ослабленной, но, по большому счету, с неизменными подходами к экономической стратегии и, вероятно, ухудшившимися перспективами их успешности. В свою очередь, очевидным провалом политики государства в России стали низкие темпы вакцинации населения, которые угрожают устойчивости экономического восстановления и социального развития. Неопределенность экономических процессов заметно выросла, и это еще один важный фактор, который будет определять ход событий предстоящего периода.

Альтернативная экономическая политика в период пандемии могла бы предусматривать следующие элементы:

- проведение комплексной политики в отношении пострадавших отраслей бизнеса по компенсации или частичному списанию для широкого круга предприятий фиксированных издержек — налоговых, кредитных и арендных;
- оказание более развернутой поддержки домашним хозяйствам, прежде всего в увязке с потребительскими расходами, возврат домашним хозяйствам и

¹⁹ См.: Правительство разработает систему для защиты от роста мировых цен // Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/29/06/2021/60dac00d9a79475acb8ed3fd>

малому бизнесу части уплаченных ими налогов в обмен на потребительские и инвестиционные расходы;

- отказ от действия бюджетного правила в части скупки валюты на рынке, реальное укрепление рубля в соответствии с повышением цены на нефть;
- прекращение действия продовольственного эмбарго для компенсации повышения мировых цен на продовольствие;
- отказ от развертывания программ маркировки продукции;
- отказ от фискальной консолидации на федеральном уровне в 2021-2022 годах, продолжение активной поддержки бюджетов субъектов федерации.

Подобные меры могли бы привести к сдерживанию инфляции, стимулированию потребительской и инвестиционной активности, поддержке бюджетных инвестиций на региональном уровне.

РАЗДЕЛ 4

Кирилл Рогов,

вице-президент фонда «Либеральная миссия»

КОВИДНЫЙ АБСЕНТЕИЗМ: АВТОРИТАРНЫЙ РЕЖИМ И ОБЩЕСТВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ПАНДЕМИИ

1. От администрирования — к манипуляции, от мобилизации — к недоверию

Первая реакция российского правительства на вызов пандемии была достаточно быстрой и решительной. Уровень ограничений, введенный в России в конце марта 2020 года, был выше, чем в большинстве стран мира и чем в большинстве европейских стран (см. об этом в материале Е. Гурвича выше). Соответственно, и эффект был впечатляющим: несмотря на то, что эпидемия уже бушевала в столичном регионе, в целом по стране избыточная смертность, как показывает исследование Т. Михайловой, была отрицательной в марте и минимальной в апреле. Причиной столь решительной реакции, возможно, было традиционное внимание российских властей к стратегиям Пекина, который вводил сверхжесткие карантинные меры, но еще более вероятно — опасения за судьбу начатой в январе 2020 года операции по продлению президентских сроков В. Путина. Первоначально предполагалось провести голосование по поправкам в конституцию в конце апреля. В то же время ни размах эпидемии, ни ее смертоносность, ни ее социальные последствия в этот момент толком были еще не ясны.

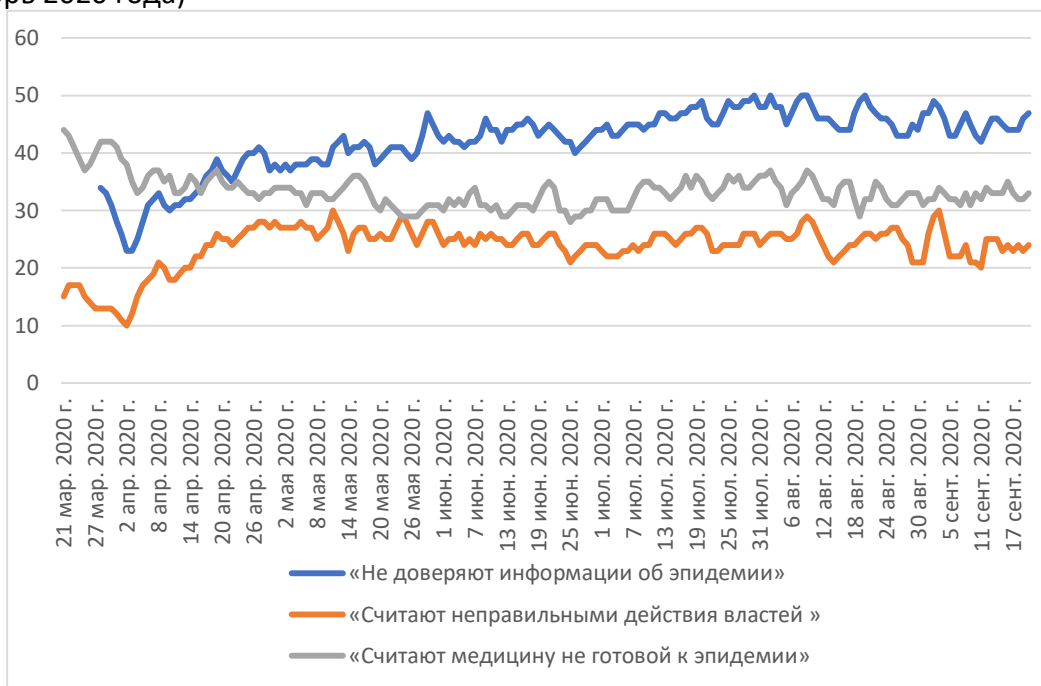
Надо отметить, что и реакция российского населения в целом была вполне адекватной. Доля не боявшихся заболеть упала с 57 % 23 марта до 28 % 3 апреля, доля следивших за информацией о пандемии упала до 20 % (см. График 1). Вполне одобрительно были встречены на этом этапе и жесткие действия властей: неправильными эти действия к началу апреля считали лишь 10 % опрошенных, а не доверяли информации об эпидемии всего лишь чуть более 20 % (см. График 2). Пожалуй, можно даже говорить о кратком периоде своеобразного «ралли вокруг флага» в конце марта — начале апреля 2020 года: эпидемия была воспринята как внешняя напасть и мобилизовала людей.

График 1. Реакция населения на течение эпидемии: уровень тревоги и внимание к информации (март – сентябрь 2020 года)

Источник данных: ФОМ, к-Зонд 1 (<https://covid19.fom.ru/k-zond>).

График 2. Реакция населения на действия властей и доверие информации (март – сентябрь 2020 года)

Источник данных: ФОМ, к-Зонд 1 (<https://covid19.fom.ru/k-zond>).

Однако уже в апреле происходит перелом. В конце апреля доля не боящихся заболеть и не следящих за информацией об эпидемии достигает 40 %. По всей видимости, к этому моменту в глазах населения эпидемия стала выглядеть не столь уж грозной (в том числе благодаря принятым энергичным мерам, затормозившим ее распространение), в то

время как тягость жесткого локдауна люди вполне ощутили. В результате не только упала чувствительность к эпидемии, но и резко ухудшились оценки действий властей и доверие к информации об эпидемии: доля не одобряющих власти выросла до 27 %, а не доверяющих информации о вирусе — до 40 %. Впрочем, степень опасности эпидемии начинает подвергаться в этом периоде сомнению и в официозных СМИ, прежде всего в «телевизоре». Так, в фильме-расследовании, выпущенном Алексеем Навальным 29 апреля 2020 года и посвященном телеведущей Елене Малышевой, утверждается, что ведущая популярных передач Первого канала «Здоровье» и «Жить здорово» систематически уверяет свою аудиторию в ограниченной опасности эпидемии.

Так или иначе, в мае происходит резкое изменение политики: российские власти снимают значительную часть ограничений, доля считающих, что эпидемия спадает достигает 60 %, а не следящих за информацией о ней и не боящихся заболеть — до 45–50 % (см. Графики 1 и 2). Иными словами, в представлении людей эпидемия в России в этот момент как будто заканчивается (60 % считают, что она идет на спад), в то время как в реальности она только начинала разворачиваться. Как показывает исследование Татьяны Михайловой, в мае – июне избыточная смертность уже составляла 13–14 %, а в июле она подскочила до 27 %. Эпидемия пошла в глубь России — в регионы, где к ней были не слишком готовы, да и не имели особых стимулов готовиться, поскольку она считалась как бы уже в значительной степени побежденной.

Надо отметить, что этот стратегический поворот вполне соответствовал ожиданиям и настроениям людей: жесткий локдаун выглядел значительной издержкой, и его продолжение, как пишет выше Олег Буклемишев, во всяком случае требовало гораздо более значительных мер поддержки. Однако основным ориентиром политического планирования для Кремля являлась подготовка к голосованию по поправкам в конституцию, «обнулявшим» президентские сроки В. Путина. В сценарии Кремля важнейшими элементами этой политической кампании было проведение парада Победы 9 мая и сохранение этого «победного» настроения вплоть до недели «всемирного голосования» в конце июня («победили печенегов, победим и вирус»). Режим полукарантина позволял, с одной стороны, сохранить определенные ограничения (например, на реализацию права на свободу собраний) и ввести «чрезвычайный» недельный режим голосования, не позволявший контролировать его ход, а с другой стороны, не создавал психологического и экономического дискомфорта реального локдауна. В то же время угроза эпидемии не должна была слишком отпугивать людей от участия в голосовании.

Необходимо отметить, впрочем, что ослабление ограничений является в этот момент общемировой тенденцией (см. График 3 ниже). Что отличает Россию на этом этапе от большинства европейских стран — это формирование устойчивой практики манипулирования статистикой распространения вируса и смертности. Появляющиеся в этот момент (в мае) публикации в прессе и аналитика свидетельствуют о систематической нерегистрации случаев заболеваний в регионах и фальсификации статистики смертности²⁰. По всей видимости, адекватная система статистики эпидемии в масштабах страны вообще не была создана, но сразу оказалась под колпаком «политического контроля», т. е. решения политических, а не административных задач. Это обозначает важный поворот в отношении властей к эпидемии: если в марте, в условиях неопределенных знаний о ее масштабах и характере (и надежд на проведение голосования по «обнулению» уже весной), ставка была сделана на жесткое административное противодействие пандемии, то в мае – июне, в условиях ограниченного эффекта эпидемии и широких антикарантинных настроений среди населения, в преддверии голосования по конституционным поправкам была сделана ставка на средства «информационной борьбы» с эпидемией.

Этот манипулятивный подход к эпидемии, вполне определившийся в тактике правительства в мае – июне («голосовать можно, митинговать нельзя; здесь считаем, здесь не считаем»), был «прочитан» населением и во многом определил его дальнейшее отношение и к эпидемии, и к усилиям властей по противодействию ей. Июльский и августовский опросы «Левада-центра» зафиксировали крайне низкий уровень доверия к официальной информации об эпидемии и «успехам» в борьбе с ней. Как видно из Таблицы 1, около 50 % боявшихся заболеть — это среднее между «рабочими возрастами» (18–54 года), где уровень опасений был крайне низким (около 40 % боялись заболеть), и старшими возрастными (55 и старше), в большей степени осознавшими себя группой риска (60 % боялись заболеть, что тоже достаточно низкий уровень для этой группы). Крайне низкий уровень доверия к официальной информации о ходе эпидемии (о доверии заявили 30 % респондентов) также является усреднением: среди «рабочих возрастов» официальной

²⁰ В мае выходит буквально вал публикаций и аналитики на эту тему в российской и иностранной прессе, ср., например: Неучтенные. Реальная смертность от Covid-19 в Москве почти в 3 раза выше официальных показателей // Новая газета. — 2020. — 13 мая. Режим доступа: (<https://novayagazeta.ru/articles/2020/05/11/85324-neuchtennye> ; Просто запрещают умирать от коронавируса. Как в России борются с эпидемией Covid-19, манипулируя статистикой. Расследование «Медузы» // Медуза. — 2020. — 14 мая. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/05/14/prosto-zapreshayut-umirat-ot-koronavirusa> , издание признано властями иностранным агентом) ; Russia's Covid death toll could be 70 per cent higher than official figure // Financial Times. — 2020. — 11 мая.

информации доверял лишь каждый четвертый, в старших возрастах, где влияние официального телевизора и общая лояльность гораздо выше, — около 40 %.

Таблица 1. Отношение к эпидемии, информации о ней и российской вакцине в социально-демографических группах

	в целом	женщины	18–54 лет	55+ лет	высше е	ниже среднег о	богаты е	бедны е
1. ОПАСАЕТЕСЬ ЛИ ВЫ ЗАРАЗИТЬСЯ КОРОНАВИРУСОМ?								
Определе нно и скорее да	49	55	41	60	53	44	50	41
2. ДОВЕРЯЕТЕ ЛИ ВЫ ОФИЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ О СИТУАЦИИ С КОРОНАВИРУСОМ В РОССИИ?								
В полной и значитель ной мере	31	33	26	39	30	33	36	25
3. КАКОЕ ЧУВСТВО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС НОВОСТЬ О ПОЯВЛЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВАКЦИНЫ ОТ КОРОНАВИРУСА?								
Позитив	40	36	32	53	37	45	40	39
Негатив	46	53	52	37	52	35	46	46
4. ГОТОВЫ ЛИ ВЫ ЛИЧНО ПРИВИВАТЬСЯ ЭТОЙ ВАКЦИНОЙ ОТ КОРОНАВИРУСА?								
Да	38	33	34	46	36	55	43	39
Нет	54	59	58	46	55	42	50	54
5. КАКОЙ ИЗ ВЕРСИЙ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ ПРИДЕРЖИВАЕТЕСЬ ВЫ САМИ?								
Вирус был создан искусстве нно	64	67	64	65	63	73	60	69

Источник данных: «Левада-центр», исследования «Курьер», проведенные в конце июля (вопросы 1–2) и в конце августа (вопросы 3–4) 2020 года и феврале 2021 года (вопрос 5). «Бедные» — ответившие, что их доходов «едва хватает на еду».

На этом фоне не вызывает удивления (хотя, по сути, вызывает) крайний скепсис, с которым было воспринято известие о том, что Россия первой в мире создала вакцину от коронавируса. В целом по выборке 40 % респондентов сказали, что испытали положительные эмоции в связи с этим известием (сумма выбравших подсказки «гордость», «радость», «доверие»), а 46 % испытали негативные (сумма выбравших ответы «недоверие», «сомнение», «страх»). Среди «рабочих» возрастов, как видно из Таблицы 1,

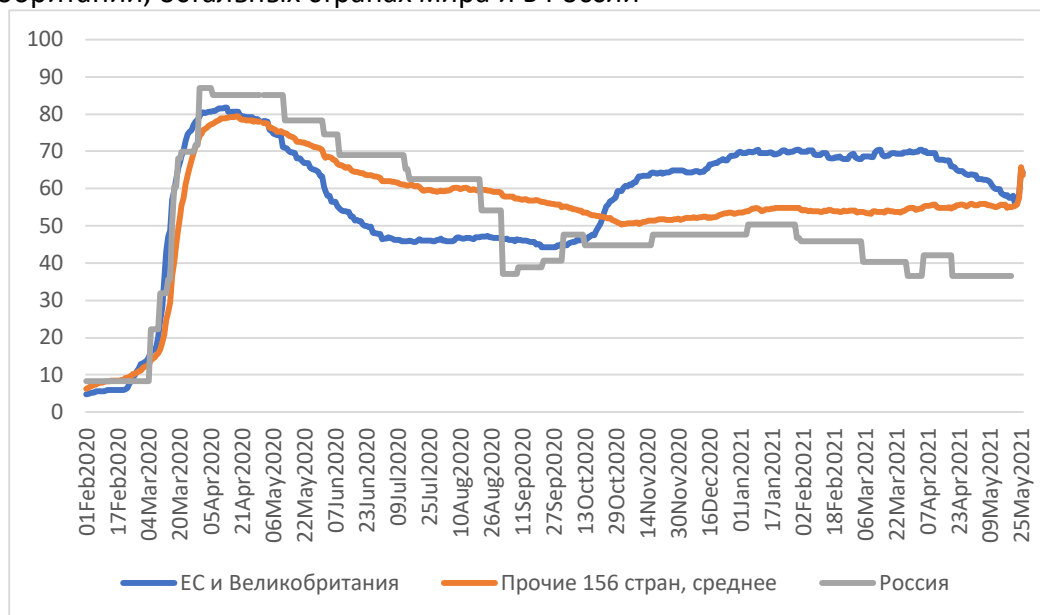
масштаб недоверия выглядит особенно впечатляющим: 52 % испытавших негативные против 32 % испытавших позитивные эмоции.

Следует обратить внимание еще на два момента: во-первых, нежелание прививаться коррелирует с недоверием к вакцине как таковой (люди с низким образованием, испытывающие большее доверие к вакцине, демонстрируют и более высокую готовность вакцинироваться), во-вторых, люди с высоким социальным капиталом (в частности, с высшим образованием) испытывают большее недоверие к вакцине, чем люди с низким социальным капиталом (необразованные и бедные). Это означает, что недоверие к вакцине имеет в значительной степени рациональные основания, а не конспиративно-мифологические, как иногда принято считать. Конспиративно-мифологические представления более характерны для групп с низким социальным капиталом, как это видно из ответов на вопрос 5 в Таблице 1. Таким образом, в целом чрезвычайно высокое недоверие к российской вакцине и нежелание прививаться могут быть следствием совокупного действия двух факторов – рационального недоверия в группах с высоким социальным капиталом и конспиративно-мифологического дискурса, более характерного для групп с низким социальным капиталом.

2. Большой размен. «Солидаристская» и «абсентеистская» модели противостояния эпидемии

Однако ключевое решение в истории борьбы с эпидемией было принято российскими властями осенью 2020 года. Как видно из обзора Е. Гурвича выше и на Графике 3, к началу сентября ослабление ограничений в России оказалось существенно большим, чем те, на которые пошли европейские страны и большинство прочих государств в мире. Несмотря на очевидное начало второй волны эпидемии в сентябре – октябре 2020 года, российские власти не стали вводить новые строгие ограничения. Россия следовала «одногорбой» модели реакции на эпидемию, т. е., в отличие от европейских стран, не ввела второго локдауна осенью 2020 года.

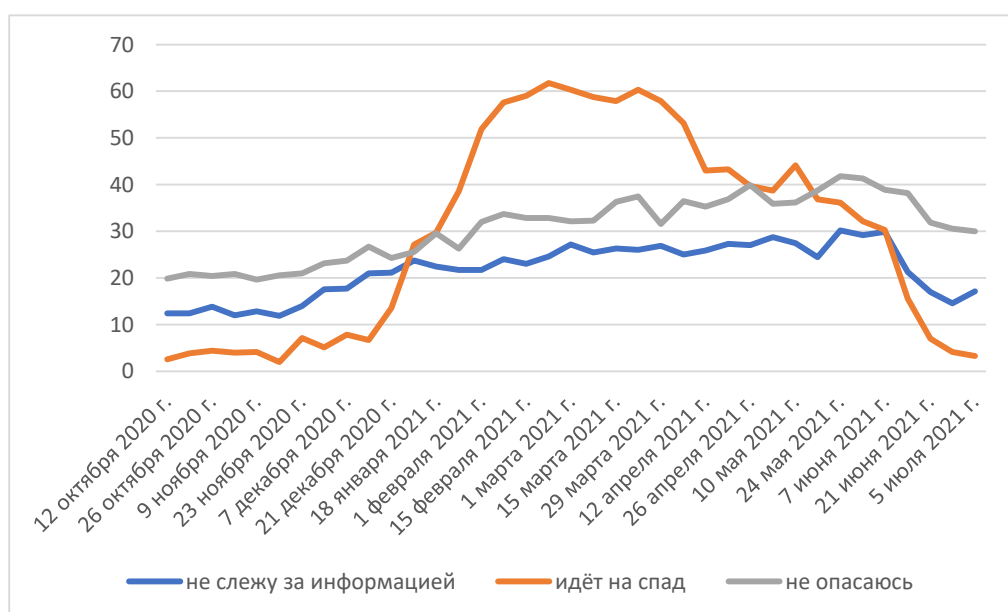
График 3. Средний индекс строгости антиковидных ограничений в странах ЕС и Великобритании, остальных странах мира и в России

Источник данных: OxCGRT, <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/covid-19-government-response-tracker>

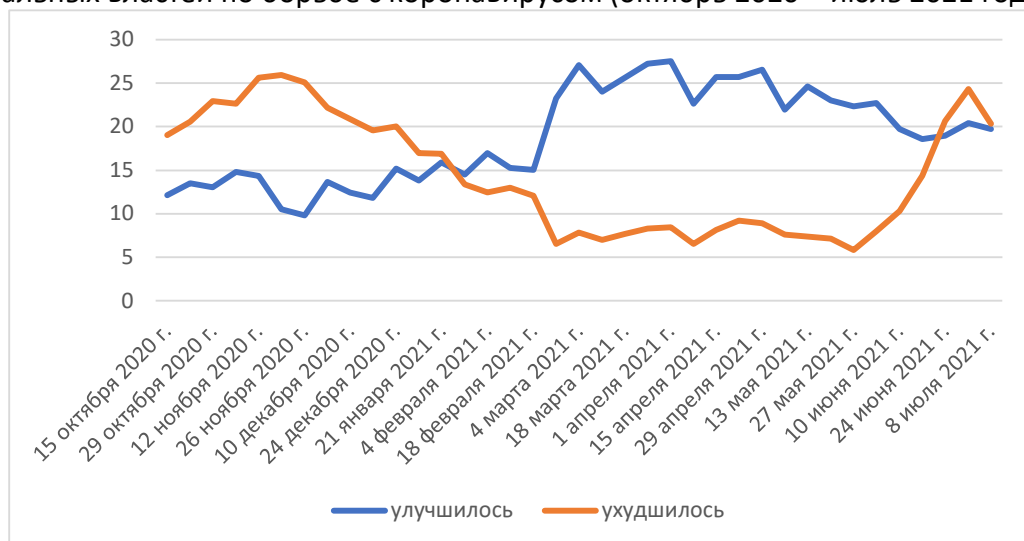
Надо отметить, что, как и весной 2020 года, российское население достаточно адекватно отреагировало на эскалацию эпидемии. В октябре доля не боявшихся заболеть снизилась до 20 %, а доля не следящих за информацией об эпидемии до 12–13 %. И такая ситуация продолжалась в целом вплоть до середины декабря. Резко ухудшились в этот момент и оценки действий властей по противодействию коронавирусу (см. Графики 4–5).

График 4. Реакция населения на течение эпидемии: уровень тревоги и внимание к информации (октябрь 2020 – июль 2021 года)

Источник данных: ФОМ, к-Зонд 2 (<https://covid19.fom.ru/k-zond>).

График 5. Реакция населения на действия властей: отношение к действиям федеральных властей по борьбе с коронавирусом (октябрь 2020 – июль 2021 года)

Источник данных: ФОМ, к-Зонд 2 (<https://covid19.fom.ru/k-zond>).

Несмотря на очевидную эскалацию эпидемии и вполне адекватную реакцию на нее людей, российские власти не объявили второй локдаун. Как показано в исследовании Татьяны Михайловой, благодаря раннему и жесткому весеннему карантину и сезону отпусков в конце лета, избыточная смертность в России оставалась вплоть до октября 2020 года на вполне приемлемом уровне — около 15 %. Однако уже в октябре она подскочила до 40 %, а в ноябре – декабре достигла уровня 60 %.

Разумеется, объявление второго локдауна через полгода после первого было серьезным социальным и экономическим вызовом, и во всяком случае требовало бы гораздо более широких мер поддержки населения и частного сектора. Эти средства у российского руководства были — в Резервном фонде, как пишет Олег Буклемишев, находились средства в размере 12 % ВВП. Однако правительство придерживалось политики жесткой экономии и, по факту, не выбрало даже заявленный официально пакет помощи. Резервы решено было сохранить для решения других задач (в частности, в качестве подушки безопасности на случай обострения геополитической обстановки и усиления санкций).

В целом, сокращение российской экономики, как известно, было весьма умеренным (3,1 %); преувеличенными оказались и ожидания относительно потерь населения. Однако и то, и другое стало возможно благодаря ослаблению ограничений летом 2020 года и невведению второго локдауна. Как видно на Графике 6, оборот розничной торговли резко упал в апреле – мае 2020 года, однако уже в июле восстановился на уровне прежнего года.

Во время локдауна люди теряли в доходе, но и сократили потребление, однако уже в июле люди покупали на уровне июля 2019 года, а в целом с июля 2020 по февраль 2021 года оборот торговли оказался ниже, чем в том же периоде предыдущего года на 1 %. При этом, как видно из опросов «Левада-центра», ситуация с зарплатами и увольнениями стабилизировалась к октябрю (Таблица 2).

График 6. Реальный оборот розничной торговли

Источник данных: Росстат, расчеты ЕАСЭД (<http://sophist.hse.ru/hse/nindex.shtml>)

Таблица 2. Экономический урон эпидемии: доля заявивших, что у них и членов семейства «уже происходят» задержки или сокращения зарплаты и увольнения

	апрель	июнь	июль	октябрь
в целом по выборке				
задержки зарплаты	24	17	16	13
сокращение зарплаты	31	29	26	16
сокращение кадров, увольнения	25	24	27	15
группа 18–39 лет				
задержки зарплаты	31	22	20	14
сокращение зарплаты	40	35	29	16
сокращение кадров, увольнения	26	27	31	16

Источник данных: «Левада-центр», исследование «Курьер».

Так или иначе, отсутствие жестких ограничений осенью – зимой 2020–2021 годов привело к резкому увеличению избыточной смертности, которая в периоде с октября 2020 по май 2021 года составляла 34 %, а в целом с апреля 2020 по май 2021 года превысила фоновую смертность на 26 % и может быть оценена в 530 тыс. жизней (см. в разделе Татьяны Михайловой).

Однако было бы упрощением списывать эти потери исключительно на скаредность правительства (которая, впрочем, несомненно, имела место). Выбираемый теми или иными странами профиль борьбы с эпидемией — это гораздо более сложный механизм социальных взаимодействий. Так, например, хотя осенью 2020 года оценки действий властей по борьбе с эпидемией ухудшились, объявление второго локдауна, вероятно, привело бы к еще большему всплеску недовольства. Число сторонников и противников локдауна в обществе в октябре 2020 г. было равным, и это означает, учитывая высокие экономические и психологические его издержки, что поддержка локдауна была достаточно низкой. Вообще же, в каждый момент эпидемии в российском обществе (как, впрочем, и во всех других) присутствуют две группы — сторонников более жесткого карантинного режима и противников карантина (см. Таблицу 3). Вот почему так важны сигналы, посылаемые правительством и политической элитой относительно опасности эпидемии и стратегии ограничений, а также меры экономической поддержки — в совокупности они позволяют сформировать устойчивую группу поддержки жестких ограничений, повысить лояльность населения к тягостным ограничительным мерам.

Таблица 3. Соотношение групп сторонников более жестких и более мягких мер противодействия эпидемии, %

Апрель 2020 года. Принимаемые меры по борьбе с коронавирусом	
чрезмерные, избыточные	18
недостаточные	30
делается все возможное, все необходимое	46
Октябрь 2020: «Считаете ли вы оправданной временную приостановку работы предприятий и организаций, кроме жизненно важных, как меру по борьбе с коронавирусом, которая сейчас обсуждается в правительстве?»	
Определенно да	21
Скорее да	27
Скорее нет	26
Определенно нет	22
Февраль 2021 года. Снятие ограничений, связанных с эпидемией	
нужно было сделать раньше	21

преждевременное решение	22
делается своевременно	51

Источник данных: «Левада-центр», исследования «Курьер», апрель 2020 года и февраль 2021 года.

Можно выделить две основные модели борьбы с пандемией на национальном уровне — «солидаристскую» и «абсентеистскую». «Солидаристская» модель, реализованная в европейских странах, предполагает: (1) публикацию подробных и вызывающих доверие данных о масштабах и последствиях эпидемии; (2) целенаправленное формирование в обществе устойчивой и значительной группы поддержки жестких ограничительных мер; (3) последовательность в осуществлении жестких мер; (4) широкие меры экономической поддержки населения и бизнеса. Соответственно, «абсентеистская» модель, характерная для многих развивающихся и более бедных стран, характеризуется противоречивыми сигналами со стороны властей и элиты относительно опасности эпидемии, непоследовательностью и низким уровнем имплементации заявленных ограничительных мер, манипулированием и ограничительными мерами, и статистикой развития эпидемии. В итоге угроза эпидемии в восприятии населения выглядит неопределенной, взаимосвязь жесткости карантинных ограничений и избыточной смертности — размытой. Болезни и смерти все более начинают восприниматься «фаталистически» как «неизбежное зло», а меры предосторожности и ограничения — как частное дело каждого. «Чувствительность» населения к эпидемии и уровень тревоги вырастают лишь в тот момент, когда очередная ее волна уже бушует и затрагивает «ближний круг» человека, а карантинные меры вводить поздно.

Такой взгляд объясняет и относительную неудачу в борьбе с эпидемией в США. Возросшая в период избирательной кампании политическая поляризация проецируется здесь на отношение к эпидемии и не позволяет выработать относительно консолидированный ответ на нее со стороны элит и сформировать критическую массу лояльности жестким мерам²¹. Весьма вероятно, что различие этих моделей реакции на эпидемию оказывает принципиальное влияние и на склонность населения к

²¹ Maria Milosh, Marcus Painter, Konstantin Sonin, David Van Dijke, Austin L. Wright Political polarisation impedes the public policy response to Covid-19 // VOXEU. — 2020. — 23 Dec. Режим доступа: <https://voxeu.org/article/political-polarisation-impedes-public-policy-response-covid-19> ; Green J. et al. Elusive consensus: Polarization in elite communication on the COVID-19 pandemic // Science Advances. 2020. — V. 6. — №. 28; Kerr J., Panagopoulos C., van der Linden S. Political polarization on COVID-19 pandemic response in the United States // Personality and Individual Differences. — 2021. — V. 179.

вакцинированию²². В жесткой солидаристской модели общество находится в условиях локдауна (пока прививку получают одна за другой возрастные категории) в ожидании момента, когда будет достигнут популяционный порог вакцинированности. Этот момент определяет перспективу выхода всего общества из тягостного карантина. В абсентеистской модели и соблюдение карантина, и столкновение с болезнью являются «частным делом», а коллективная вакцинация никак не связывается с коллективным выходом из эпидемии и карантина. В России, помимо отмеченного выше «двойного» недоверия к отечественной вакцине (со стороны групп населения как с высоким, так и низким социальным капиталом), противоречивость и манипулятивность в отношении к эпидемии властей привела к тому, что в периоде доступности вакцины с января по апрель 60 % населения были уверены, что эпидемия сама собой идет на спад (График 4).

Если в Соединенных Штатах в относительной неудаче борьбе с эпидемией сыграла роль политическая поляризация, то в авторитарной России причины и механизмы были иными. Это прежде всего низкая подконтрольность власти со стороны общества, позволяющая принимать произвольные решения и выбирать приоритеты и стратегии, которые вряд ли были бы выбором большинства и которые могли бы быть по меньшей мере скорректированы, если бы являлись предметом широкой и свободной дискуссии. Это, кроме того, широкие возможности и привычка российских властей фальсифицировать данные и манипулировать информацией и общественным мнением. Это отсутствие парламентской оппозиции, способной отстаивать альтернативные приоритеты и политики, а также идеологический монополизм и цензура в общенациональных средствах массовой информации, что не позволило обществу сформировать адекватное и consistente понимание происходящего.

Привычка к манипулированию и фальсификациям ведет к административным сбоям и провоцирует высокий уровень недоверия к действиям властей среди населения. Результатом этого стало то, что Россия подошла к третьей волне эпидемии, не использовав те возможности смягчения ее последствий, которые у нее имелись, провалив вакцинацию.

Избыточная смертность в России не является сверхвысокой; из тех стран, сведения по которым доступны, трагическими чемпионами остаются страны Латинской Америки (Перу, Боливия, Эквадор, Мексика). Вместе с тем российская избыточная смертность

²² Lopez German. How political polarization broke America's vaccine campaign. The US's partisan divides have left much of the country vulnerable to Covid-19 — leading to unnecessary deaths // VOX. — 2021. 6 Jul. Режим доступа: <https://www.vox.com/2021/7/6/22554198/political-polarization-vaccine-covid-19-coronavirus>

выглядит высокой для страны с достаточно высоким уровнем дохода и образования. Если бы России удалось удержаться на уровнях избыточной смертности в районе 15 % (таким этот уровень был до октября 2020 года, т. е. в первые семь месяцев эпидемии), то совокупные потери — общая избыточная смертность — были бы меньше примерно на 220 тыс. случаев. И, несомненно, энергичная и своевременная кампания вакцинации резко снизила бы смертность третьей волны. Но этого не случилось.

Фонд «Либеральная Мысль» создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих сегодняшней России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого Фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда – издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.